

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

5.1

4 выпуска в год на 15 языках

Шарли Эбдо

Боавентура де Суса Сантуш

Две дороги к публичной
социологии

Нира Юваль-Дэвис

Критическая вовлеченность
как жизненный проект

Исса Шивджи

Капитализм и климатическая
справедливость

Герберт Доцена

О практике публичной
социологии

Ариане Ханнемаайер
и Кристофер Шнайдер

Глобальные симпозиумы:

- > Протест в неформальных поселениях
- > Меняющиеся паттерны труда во Франции
- > Индонезийская социология

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association

ТОМ 5 / ВЫПУСК 1 / МАРТ 2015
<http://isa-global-dialogue.net>

ГД

> От редактора

О том, как быть публичным социологом

Перед вами номер «Глобального диалога», который открывают размышления Боавентуры де Суса Сантуша по поводу ужасающего убийства карикатуристов французского сатирического журнала Шарли Эбдо. Если бы потребовалось назвать череду событий, которая призывает к социологическому анализу, то мы бы, несомненно, назвали именно эти: здесь напрашивается вопросы о причине убийства, о социальных портретах убийц, о политическом эффекте карикатур, о реакции государства и о социальной мобилизации. На примере этих трагических событий и последовавших дебатов мы узнаем, что смысл словосочетания «свобода слова» не является предзаданным, а скорее представляет собой поле, открытое для обсуждений и споров. То же самое можно сказать и о значении слов «мусульманин» и «террорист». Для одного - террорист, для другого - борец за свободу. И, самое главное, - то, с чем Сантосу удастся мастерски справиться - это рассмотрение проблемы в глобальном контексте. Мы должны рассматривать происходящее, не забывая о режимах насилия и экстремизма, захватывающих планету, пропагандируемых национальными государствами и не получающими должного внимания.

Преступно оставлять эти убийства без внимания социологов. Но социологи молчат. Они боятся ступить на эту опасную территорию, опасаясь превратиться в публичных социологов. И действительно, публичная социология может быть достаточно опасным занятием, так что страхи социологов нельзя назвать необоснованными. Пытаясь разобраться в этой сложной проблематике, Нира Юваль-Девис выделяет два пути к публичной социологии: путь социолога в изгнании, принимающего непопулярную точку зрения, и путь социолога, анализирующего реальность из самого центра, но принимающего все более и более критичную позицию (на примере известного израильского социолога Баруха Киммерлинга). Ученый и активист Исса Шивджи, непримиримый критик танзанского государства и публичный защитник идеи автономии университетов, сталкивается лицом к лицу с несколько иным набором трудностей в Африке.

Занятие публичной социологией не всегда опасно - просто она сложна и жизненно необходима. Герберт Доцена уже давно следит за конференциями ООН по изменению климата. Наблюдая за тем, как практически сходят на нет сложные переговоры, он фокусирует внимание на росте антикапиталистических движений, призывающих к более радикальному вмешательству. Наконец, публичная социология может работать и на локальном уровне. Так. Например, Ариане Ханемайер и Кристофер Шнайдер, рассказывают о встречах в кафе, благодаря которым университеты сами приходят к публичке, и открытых лекциях, в контексте которых публика приходит в университет.

Этот номер «Глобального диалога» также включает три симпозиума. Мы представляем три коллекции эссе, посвященных неформальным городским поселениям и выселению (изъятию земель) в Чили, Уругвае, Колумбии, Южной Африке и Замбии. Несмотря на массированное насилие, с которым сталкиваются местные жители, протест продолжается: он включает не спонтанные вспышки, а политически организованные действия, иногда удачные, но в большинстве случаев все же безуспешные. Мы также расскажем об индонезийской социологии в пяти заметках, посвященных новому демократическому управлению, влияющему на сферы религиозной жизни образования, труда и социальной мобильности. Наконец, мы публикуем три эссе из Франции, в которых речь идет о новых паттернах занятости - новых лабораториях, возможностях для хронически больных людей продолжать работу и формирования «мультиактивного общества», в котором стирается граница между оплачиваемым трудом, неоплачиваемой заботой и гражданской активностью.

Боавентура де Суса Сантуш, португальский социолог и юрист мирового значения, рассматривает убийство карикатуристов Шарли Эбдо с глобальной точки зрения.

Нира Юваль-Девис, выдающийся гендерный социолог и специалист по правам человека, вступает в диалог с известным израильским социологом Барухом Киммерлингом по поводу различных путей к публичной социологии.

Исса Шивджи, давно и широко известный левый критик из Танзании, дал интервью одному из своих студентов и рассказал о роли университета в Африке.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Глобальный диалог доступен на 15 языках на [сайте МСА](#)

> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Исполнительный редактор: Гей Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндолу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Малади-менг, Абдул-мунин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастоглоу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Анжелу Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадурья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Модии, Рашми Джайн, Прагья Шарма, Джьоти Сидана, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Иран:

Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Нияеш Долати, Митра Данешвар, Фаззех Хаджезадех.

Япония:

Сатоми Ямамото, Хикари Кубота, Такадзуми Окада, Фума Сэкигути, Кадзуки Уеяма.

Казахстан:

Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Гулим Доссанова, Жулдуз Батталова, Алмагуль Нурушева, Дауренбек Кулейменов, Эльмира Отра.

Польша:

Якуб Барщевски, Мартына Долорес, Мариуш Финкельштейн, Вероника Гаварска, Кишиштоф Губаньски, Кинга Якиела, Юстына Кошиньска, Пржемыслав Марцовски, Миколай Мержеевский, Каролина Миколаевска, Адам Мюллер, Зофия Пенза, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска.

Румыния:

Косима Ругиниш, Иляна Чинзяна Сурду, Корина Брагару, Телегди Балаж, Адриана Бондор, Рамона Кантараджу, Мириам Чиходарью, Руксандра Иордаче, Михай Богдан Мариан, Анжелика Маринеску, Моника Надраг, Мадалин-Богдан Рапан, Алина Стан, Элизабета Тома, Елена Тудор, Кристиан Константин Вереш.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюль Корбаджоглу, Ирмак Эврен.

Медиаконсультанты: Густаво Танигути, Хосе Ретера.

Консультант редактора: Ана Вилларреаль.

> В номере

От редактора: О том, как быть публичным социологом 2

Шарли Эбдо: несколько непростых вопросов
Боавентура де Суса Сантуш, Португалия 4

Два пути к публичной социологии
Нира Юваль-Дэвис, Великобритания 7

Критическая вовлеченность как жизненный проект: интервью с Иссой Шивджи
Сабато Нямсенда, Танзания 10

Капитализм и климатическая справедливость
Герберт Доцена, Филиппины/США 13

О практике публичной социологии
Ариане Ханнемайер и Кристофер Шнайдер, Канада 16

> ПРОТЕСТ В НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Возвращая право на город: народная мобилизация в Чили
Симон Эскофье, Великобритания 18

Сквоттеры и политика в Уругвае
Мария Хосе Альварес Ривадурья, Колумбия 20

Рост движения бездомных рабочих в Бразилии
Сибеле Ризек и Андре Даль'Бо, Бразилия 22

Протесты бедняков в Южной Африке
Пришани Найду, ЮАР 24

Замбия: выселения без социальных протестов
Сингумбе Муйеба, Замбия 26

> МЕНЯЮЩИЕСЯ ПАТТЕРНЫ ТРУДА ВО ФРАНЦИИ

Фаблабы и хакерспейсы: становление новой культуры
Изабелль Берреби-Хоффманн, Мари-Кристин Бюро,
Мишель Лалльмэн, Франция 28

Стремление к гендерному равенству в «мультиактивном обществе»
Бернар Фюзюлье, Шанталь Николь-Дранкур, Франция 30

Преодоление хронической болезни на работе
Анн-Мари Вазер, Доминик Луилье, Фредерик Брюжей, Пьер Ленель,
Гийом Юэз, Жоэль Мезза, Кати Эрман, Франция 32

> СОЦИОЛОГИЯ В ИНДОНЕЗИИ

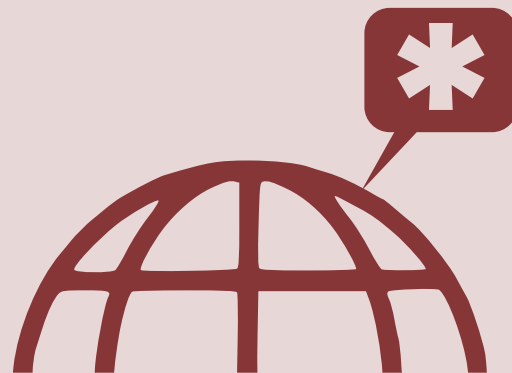
Прославляя демократию в Индонезии
Люсия Ратих Кусумадеви, Индонезия 34

Корпоративизация индонезийского высшего образования
Каманто Сунарто, Индонезия 36

Рабочие движения и политика рабочего класса в Индонезии
Хари Нугрохо, Индонезия 38

Когда религия становится юридической идентичностью
Антониус Кахьяди, Индонезия 40

Стимулирование вертикальной мобильности в Индонезии
Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Индонезия 42

> Шарли Эбдо: несколько непростых вопросов

Боавентура де Суса Сантуш, Университет Коимбры, Португалия, член Программного Комитета Всемирного Конгресса МСА 2014 года

Мировые лидеры на демонстрации в Париже в память о жертвах убийств «Шарли Эбдо».

Омерзительность преступления против журналистов и карикатуристов Шарли Эбдо чрезвычайно затрудняет хладнокровный анализ произошедшего, его контекста и существа, его непосредственных и отдаленных последствий. И все же анализ совершенно необходим – в противном случае мы раздуем пламя, которое грозит однажды поглотить школы, в которых учатся наши дети, дома, в которых живем, учреждения, в которых работаем, – да, впрочем, и нашу совесть. Вот

несколько мыслей, которые мне хотелось бы донести до публики.

> **Насилие и демократия**

Мы не можем выявить прямую связь между трагедией Шарли Эбдо и борьбой США и союзников с мировым терроризмом, начавшейся 11 сентября 2011 года. Однако неоспорим тот факт, что невероятный уровень агрессии Запада привел к смерти тысяч невинных мирных жителей (в основном мусульман) и подверг насилию и пыткам молодых

>>

мусульман, подозрения против которых были умозрительными в лучшем случае. Это подтверждает недавний отчет, представленный в Конгрессе США. Широко известно и то, что многие молодые исламисты утверждают, что их взгляды радикализировались, потому что они были возмущены безнаказанностью тех, кто виновен в насилии против ни в чем не повинных сограждан. В связи с этим мы обязаны остановиться и подумать о том, как возможно остановить маховик насилия. Не следует ли свернуть с курса, который раскачал его в первую очередь? В ответ на убийства карикатуристов французы заменили демократическую конституционную норму непровозглашенным осадным положением, решили, что преступников-террористов следует немедленно застрелить на месте, а не арестовать и призвать к ответу, и не задумались, что такая реакция может сама по себе противоречить западным ценностям. Мы вступили в фазу вялотекущей гражданской войны. Кто в Европе выиграет от этого? Уж точно не партия «Подemos» в Испании, как и не «Сириза» в Греции.

> Свобода слова

Свобода слова – ценный товар, но и она предполагает некоторые ограничения. Истина заключается в том, что подавляющее большинство ограничений придумывают те, кто защищает идею о безграничности этой свободы, как только речь заходит об их собственных действиях. Примеров таких ограничений великое множество: в Англии демонстранта могут арестовать за заявление о том, что руки Дэвида Кэмерона – по локоть в крови; во Франции мусульманкам запрещается носить никаб; в 2008 году карикатурист Морис Сине был уволен из Шарли Эбдо за публикацию статьи, которую сочли антисемитской. Все эти примеры лишь свидетельствуют о том, что ограничения, конечно же, существуют, просто они варьируются в зависимости от того, о какой группе интересов мы говорим. Посмотрим хотя бы на Латинскую Америку: там крупнейшие СМИ, контролируемые семьями

олигархов и крупным капиталом, защищают идеи неограниченной свободы слова, чтобы ничто не могло мешать им агрессивно критиковать прогрессивные правительства и замалчивать все хорошее, что они сделали. Кажется, что и карикатуристы «Шарли Эбдо» не останавливались ни перед чем в критике мусульман, хотя многие из них могут восприниматься как расистская пропаганда, подпитывающая волну исламофобских антииммигрантских настроений, охватывающую Францию и Европу в целом. Помимо множества карикатур, на которых Пророк показан в неприличных позах, одна из них была взята на вооружение крайне правыми с особым энтузиазмом. На ней была изображена группа беременных мусульманских женщин, представленных как секс-рабыни террористической группировки Боко Харам. Обняв свои беременные животы, эти женщины вопят: «Руки прочь от наших пособий!» Одним махом карикатура стигматизирует и ислам, и женщин, и социальное государство. Как и следовало ожидать, спустя годы мусульманскому сообществу Европы такая редакционная политика начала казаться оскорбительной. С другой стороны, оно сразу же выступило с осуждением варварского преступления, совершенного в Париже. Следовательно, нам необходимо рефлексировать по поводу противоречий и асимметрии в реализации ценностей, которые многие из нас считают универсальными.

> Толерантность и «западные ценности»

В контексте преступления доминируют два течения мысли, ни одна из которых не способствует построению инклюзивной межкультурной Европы. Более радикальный подход является откровенно исламофобским и антииммигрантским. Его выражают европейские приверженцы правых и крайне правых взглядов (в тех ситуациях, когда они ощущают угрозы на предстоящих выборах – как было в случае Антониса Самараса в Греции). Согласно их представлениям, враги европейской цивилизации на-

ходятся «среди нас» – они нас ненавидят, у них такие же паспорта, как и у нас, и ситуацию можно исправить лишь полностью избавившись от этих вражеских агентов. Антииммигрантские настроения невозможно не заметить. Другая линия мысли – это толерантность. «Эти люди» значительно отличаются от «нас», они несомненно являются обузой, но мы должны «терпеть их», потому как они, по крайней мере, полезны. Однако нам следует делать это только в том случае, если они будут держать себя в руках и согласятся на ассимиляцию в нашем обществе.

Но что такое на самом деле «западные ценности»? После многовекового насилия, совершавшегося во имя этих ценностей как в Европе, так и за ее пределами – от колониального насилия до двух мировых войн – следует с особой осторожностью и глубокой рефлексией подходить к тому, что собой на самом деле представляют эти ценности и почему в зависимости от контекста превалируют то одни, то другие. Например, никто не ставит под вопрос ценность свободы, но того же нельзя сказать о равенстве и братстве, двух ценностях, лежащих в основе государства всеобщего благосостояния, доминировавшего в демократической Европе в период после Второй мировой войны. В последние годы, однако, системе социальной защиты, ранее обеспечивавшей высокий уровень социальной интеграции, начали бросать вызов консервативные политики. Правящие партии, будь то партии лево- или правополитические, теперь и вовсе смотрят на социальные гарантии как на непозволительную роскошь. Но разве мы не знаем, что социальный кризис, вызванный распадом системы социального обеспечения и растущей безработицей, особенно среди молодежи, лишь раздувает пламя радикализма, захватившего младшие поколения, особенно среди тех, кто стал не только жертвой безработицы, но также этнической и религиозной дискриминации?

> Столкновение фанатизмов, а не цивилизаций

Мы имеем дело вовсе не со столкновением цивилизаций, потому что христианская и исламская цивилизации имеют общие корни. В действительности мы являемся свидетелями столкновения фанатизмов, хотя некоторые из них так близки нам, что мы их не признаем таковыми. История показывает, что фанатизмы и их война друг с другом всегда неразрывно связаны с экономическими и политическими интересами элит. Они никогда не помогали народным массам, которыми элита пользовалась как рядовые солдаты в борьбе за интересы этих же элит. То же можно сказать о множестве событий в Европе и на территориях, входивших в сферу ее влияния: во времена Крестовых походов и Инквизиции, обращения в христианство колониального населения, религиозных войн и конфликта в Северной Ирландии. За пределами Европы такая миролюбивая религия как буддизм использовалась для легитимизации убийства тысяч тамиллов, меньшинства, населяющего Шри-Ланку. В 2003 году индуистские фундаменталисты занимались уничтожением мусульманского населения Гуджарата, и высокая вероятность того, что они придут к власти в результате недавней победы президента Моди, заставляет нас опасаться худшего.

Во имя религии Израиль продолжает безнаказанную этническую чистку Палестины, а ИГИЛ уничтожает мусульман в Сирии и Ираке. Быть может, защита неограниченного секуляризма в межкультурной Европе, где многие не идентифицируют себя с этой конкретной ценностью, в некотором роде также представляет собой форму экстремизма? Противостоят ли экстремисты друг другу? Создаются ли между ними определенные связи? В каких отношениях состоят джихадисты и западные спецслужбы? Почему джихадистов ИГИЛ, которых теперь считают террористами, называли бойцами-освободителями, когда они боролись с Ассадом и Каддафи? Почему Исламское Государство спонсируется Саудовской Аравией, Катаром, Кувейтом и Турцией – странами-союзницами Запада? При этом факт остается фактом: за последнее десятилетие, как минимум, основную долю жертв фанатиков (в том числе мусульманских фанатиков) составляли мусульмане, не страдавшие фанатизмом.

> Ценность человеческой жизни

Абсолютное и безусловное отвращение, испытываемое европейцами перед лицом этих смертей, должно заставить нас задать себе вопрос, отчего же они не чувствуют того же по поводу сравнимого, если

не более высокого, числа смертей, вызванных конфликтами, которые, если присмотреться, имеют нечто общее с трагедией в Шарли Эбдо. В тот самый день, когда были застрелены карикатуристы, 37 человек стали жертвами взрыва в Йемене. Прошлым летом израильское вторжение привело к смерти 2000 палестинцев, 1500 которых были мирными жителями, 500 – детьми. В Мексике с 2000 года убиты 102 журналиста, боровшихся за свободу печати. В ноябре 2014 в Айтотцинанпе (Мексика) убито 43 молодых демонстранта. Конечно же, различия в реакции не может объясняться представлением о том, что жизнь белых европейцев, представителей христианской культуры, более ценна, чем жизнь не-европейцев или европейцев с другим цветом кожи, тех, чья культура основывается на других религиях или происходит из других регионов. Возможно, различия в реакции объясняются тем, что последние живут в отдалении от европейцев и менее им знакомы? С другой стороны, не дает ли повода для таких различий христианская заповедь «возлюби ближнего своего»? Или, быть может, так происходит потому, что влиятельные СМИ и политические лидеры на Западе не только примитивизируют страдания, причиняемые Другим, но и демонизируют этих других, до такой степени, что мы начинаем думать, что они «виноваты сами»? ■

Корреспонденцию направлять Боавентуре Суса Сантушу по адресу <bsantos@ces.uc.pt>

> Две дороги к публичной социологии

Нира Юваль-Дэвис, Университет Восточного Лондона. Великобритания, Председатель ИК МСА по расизму, национализму и межэтническим отношениям (ИК 05) в 2002-6 гг., член Программного комитета по организации Всемирного конгресса МСА в Дурбане (2002-2006)

Нира Юваль-Дэвис, израильская диссидентка, уже много лет занимается правозащитной деятельностью: основательница организации «Женщины против фундаментализма», а также международной исследовательской сети «Женщины в зонах военного конфликта», она также является консультантом ООН и ряда международных НКО, в том числе в Amnesty International. Она известна на международной арене как исследователь гендера, расизма и религиозного фундаментализма. Из-под ее пера вышло множество книг, в том числе «Расовые границы, гендер и нация» (Racialized Boundaries, Gender and Nation), «Гендер и нация» (Gender and Nation), «Политика принадлежности» (The Politics of Belonging), «Женщины против фундаментализма» (Women against Fundamentalism). Нира Юваль-Дэвис также является директором «Центра исследований миграции, беженцев и принадлежности» в Университете Восточного Лондона. В этом эссе она вступает в полемику с известным, ныне покойным, израильским социологом Барухом Киммерлингом, обсуждая различные пути, которые приводят исследователей к публичной социологии.

Барух Киммерлинг (1939-2007), всю жизнь страдавший от ДЦП, приехал в Израиль как беженец из Румынии в 1948 году. Он был одним из известнейших социологов Израиля, не в последнюю очередь благодаря своим частым публикациям в израильских СМИ.

Мы дружили со времени совместного обучения в бакалавриате в Еврейском университете Иерусалима, который Барух не покидал на протяжении всей своей жизни. Получив диплом бакалавра в 1969 году, я переехала в США, а затем в Великобританию. В студенческие годы мы оба восставали против Шмуэля Айзенштадта (доминировавшего в израильской социологии в течение почти сорока лет), но опирались на разные социологические подходы и расходились в политических позициях. Когда мне было около 20 лет, я стала увлекаться нон-сионистским, а затем и антиссионистским анализом израильского государства и общества. После многих лет систематического изучения израильско-палестинского конфликта, Барух пришел к сходным выводам, хотя и продолжал называть себя сионистом. Ему удалось развить важные аспекты этого поля социологии, в то время как я стала заниматься интерсекциональной политикой принадлежности (intersectional politics of belonging).

Когда Барух умер в 2007 году, я была одной из тех израильских, палестинских и международных ученых, приглашенных на конференцию памяти этого ученого. Я выступила с речью, в которой рассуждала об экзистенциальной тревоге израильтян – особенно тех, которых Барух называл «ахусалимами», то есть секулярными левыми ашкеназами-сионистами, которые преобладали в сионистском движении на протяжении большей части XX века. Я объясняла эту тревогу рядом эндемических факторов, часть которых свойственны всем гегемонным меньшинствам в переселенческих колониальных проектах, другие – характерны для «неолиберального общества риска», третьи же являются особенностью Израиля как общества, находящегося в состоянии постоянной войны. Одна из важных упомянутых мной причин – это рост мессианского фундаменталистского еврейства, ставяще-

>>

го под угрозу квази-светский режим в Израиле.

К моему великому удивлению сказанное мной было в целом воспринято положительно – что резко контрастировало с тем, каким образом мои исследования воспринимались в прошлом. (Однако, следует отметить, что хотя радикальные идеи, озвученные гостями, не подверглись атаке на конференции, сборник наших выступлений так и не увидел свет – очевидно, по причине сопротивления со стороны Института Ван Леара, на базе которого проходила конференция).

Я хотела бы особо отметить автобиографию¹ Баруха, которая написана со свойственными ему остроумием и интеллектуальной честностью и, несомненно, поможет читателю лучше понять израильско-палестинский конфликт. Этот текст поднимает ряд важных тем, связанных с публичной социологией. Здесь я ограничусь обсуждением двух основных вопросов.

> Публичная и профессиональная социология

Барух утверждает, что ему удалось полностью разделить в своей жизни журналистскую и профессиональную академическую работу. Это деление он производит на основании веберовской веры в то, что Донна Харауэй называла «божественным умением видеть все из ниоткуда». В отличие от Баруха, я являюсь сторонницей «ситуативного характера знания» (situated knowledge) и аналогичного воображения, как и большинство последователей феминизма и других радикальных (марксистских и антирадикальных) традиций социологии знания. Релятивистская позиция настаивает на множественности истин, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения и, как следствие, не может подвергаться сравнению с другими. Я же, напротив, утверждаю, что личная точка зрения, формируемая на основании социального положения, идентификации и систем нормативных оценок, находясь под влиянием жизненного опыта человека, его практик, текучих и изменчивых в рамках определенных структурных и процессуальных ограничений, влияет на то, каким образом человек видит мир. Знание «правды» можно лишь приблизить посредством участия в диалогическом конструктивном процессе, в котором участвует множество «контекстуальных» взглядов в рамках определенных пространственных и временных контекстов.

Моя критика предложенной Барухом дихотомии политического и профессионального носит не только эпистемологический характер. За годы работы социологом и политическим активистом я поняла, что оба модуса действия подпитывают друг друга и предоставляют друг другу новые критические оценки. Низовой политический активизм позволяет, с одной стороны, достичь сочувствующего понимания других контекстуальных точек зрения, а теоретическая и эмпирическая наука помогает совершенствоваться и бросать вызов жестким дихотомиям политики идентичности, с другой стороны. Более того,

Барух Киммерлинг родился в 1939 году. Его мать была венгеркой, отец – румыном. Сумев спастись от Холокоста, семья Баруха иммигрировала в Израиль. Он изучал социологию в Еврейском университете в Иерусалиме, где продолжал заниматься исследованиями

и преподаванием на протяжении всей жизни. После взрыва в кафетерии университета в 1969 году, он стал изучать причины, историю и реалии израильско-палестинского конфликта, разработав подход, отличный от официального израильского нарратива. Как открытый критик израильской политики он неоднократно подвергался критике и осуждению. Своими публикациями и лекциями он старался повлиять на израильское общественное мнение, чтобы популяризировать идею о настоящем демократическом государстве, искренне поддерживающем всех своих граждан без дискриминации, отказывающемся от военной агрессии и стремившимся к достижению мира посредством компромиссов и гуманитарных подходов. Барух Киммерлинг скончался в 2007 году, сохранив верность своим взглядам и идеям и до последних дней испытывая глубокую тревогу о будущем Израиля. Из-под его пера вышло множество книг, в том числе «Сионизм и территория: социо-территориальные измерения сионистской политики», 1983 (*Zionism and Territory: The Socioterritorial Dimensions of Zionist Politics*), «Изобретение и закат израильтянства: государство, культура и военные в Израиле», 2001 (*The Invention and Decline of Israeliness: State, Culture and Military in Israel*) и «Политцид: война Шарона с палестинцами», 2003 (*Politicide: Sharon's War Against the Palestinians*)

зачастую граница между ними кажется искусственной, особенно когда мы начинаем присматриваться к причинам, по которым определенные исследователи начали заниматься определенными проектами и каким образом они популяризируют результаты своих исследований.

Участие Баруха в общественной жизни указывает на такие же паттерны пересекающихся интересов, начиная с момента, когда он решил изучать израильско-палестинский конфликт (после взрыва, произошедшего в кафетерии его университета в 1969 году). У меня вызывает сомнение утверждение Баруха о том, что в своей «научной» работе он гораздо меньше полагался на интуицию, чем в политической деятельности. Как отмечает сам Барух в отношении теории смены парадигмы Куна, любой сбор данных предполагает элементы селективности. Несмотря на это, я сопереживаю его фрустрации по поводу того, что люди выносили суждения о его социологической работе лишь после чтения его коротких публицистических статей.

Изменения парадигмы знания Баруха и его понимание израильского и палестинского общества, однако, заставляют нас задуматься и о роли социальной позиции исследователя.

>>

дователя общества. Он утверждал, что позиция «маргинала, оказавшегося в эпицентре», которую он занимал в израильском обществе, являлась предпосылкой и модулем его публичной социологии.

> Роль социального положения в публичной социологии

В своей исчерпывающей, рефлексивной и честной манере Барух описывает свою первую статью в старейшей газете Израиля «Хааретц» как полноценную и экстремальную атаку на книги Сабри Жириса «Арабы в Израиле» (*The Arabs in Israel*). Намного позже Барух осознал не только то, что Сабри был на самом деле прав, но и то, что тот, не имея доступа к архивным материалам, недооценил масштаб и цинизм государственного контроля израильских палестинцев, включавшего конфискацию их имущества и земель. Барух признает за собой аналогичные изменения в отношении книги Яна Лустика «Арабы в еврейском государстве», которая впоследствии удостоилась его высшей оценки. (Хотя он и не упоминает этого в своей автобиографии, я отмечу, что когда в 1975 году вышла книга «Израиль и палестинцы» (*Israel and the Palestinians*), одним из редакторов которой была я, он написал мне взволнованное дружеское письмо, посоветовав не упоминать ее в своем резюме. Многие статьи – и моя не исключение – во многом соответствуют более поздним текстам Баруха.

Со временем Барух подверг переоценке свое понимание израильского и палестинского общества и конфликтов. Он стал прекрасным публичным социологом, чьи работы оказали значительное влияние на общественное мнение в Израиле. Мой взгляд на многие вопросы также стал более взвешенным. Я надеюсь, что, как и в случае Баруха, это продолжится до конца моих дней. Однако мне хотелось бы выразить разногласие с ним по двум вопросам.

Во-первых, Барух утверждает, что разработал свой собственный подход и понимание проблем, на который прочитанные им работы других ученых, в полемику с которыми он нередко вступал, оказали мало влияния. Эта недиалогическая конструкция самости и знания искажает процесс получения знания и формирования мнения. По иронии, она подрывает сам смысл публичной социологии, цель которой – представить альтернативный анализ и предоставить площадку для презентации альтернативных точек зрения.

Во-вторых, Барух заявляет, что ему удалось стать публичным социологом, потому что, в отличие от нас, находящихся на периферии, ему доверяли как «своему». Иными словами, в глазах элит он казался «легитимным». Барух утверждает, что это позволило ему печататься в мейнстримных израильских СМИ (что, конечно же, невозможно оспорить), в то время как другие ученые, являвшиеся авторами подобной аналитики (например, члены радикальной социалистической и антиссионистской организации Мацпен) были менее заметны на публичной арене, так как их взгляды считались нелегитимными. Такая форма легитимности, говорит Барух, является предпосылкой для эффективной работы публичного социолога.

Барух полагает, что позицию «своего» он обеспечил себе критикой книг, подобных тем, которые написали Жирис и Лустик – тех, которые впоследствии он принял и оценил. Но такой взгляд ставит нас перед непроходимой теоретической и политической дилеммой: обязательно ли социологу доказывать свою «благонадежность» в качестве члена сообщества для того, чтобы накопить социальный капитал, необходимый для дальнейшей эффективной работы? А что если этот процесс накопления подразумевает разрушение принципов, сторонником которых ученый становится впоследствии?²

На этот вопрос нет простого ответа. Учитывая состояние современного израильского общества и политики, а также других участков региона, как и мира в целом, я часто испытываю отчаяние, хотя я стараюсь ухватиться за грамшианскую политику надежды, оптимизм воли и пессимизм интеллекта. Хотя Барух и начал анализировать общество, находясь в центре, а не в маргинальной позиции, со временем он начал испытывать ту же фрустрацию и депрессию. Я бы с удовольствием узнала, что думают другие читатели «Глобального диалога» о том, какое социальное положение должны выбрать публичные социологи и другие публичные интеллектуалы, чтобы быть эффективными. ■

Направляйте корреспонденцию Нире Юваль-Дэвис <n.yuval-davis@uel.ac.uk>

¹ Kimmerling B. (2013) *Marginal at the Centre: The Life Story of a Public Sociologist*. New York and Oxford: Berghahn Books, translated by Diana Kimmerling.

² Многие из нас, занимавшие маргинальную «нелегитимную» позицию, в стратегических целях были активистами ряда узких по целям (и часто непопулярных) кампаний в Израиле, а также способствовали налаживанию диалога с палестинцами и арабами, исповедовавшими сходные ценности. Помимо этого мы сотрудничали с социалистами и правозащитниками за пределами Израиля и Ближнего Востока, чтобы оказывать влияние на уровень международной общественной и правительственной поддержки Израиля.

> Критическая вовлеченность как жизненный проект

Интервью с Иссой Шивджи

Исса Шивджи.

Исса Шивджи – один из крупнейших публичных интеллектуалов постколониальной Африки. Он изучал юриспруденцию (1967-1970) в Университете Дар-эс-Салама в кругу выдающихся исследователей левого толка, таких как социологи Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн и Джон Сол. Своей особой интеллектуальной атмосферой этот университет привлекал ученых всего мира. Шивджи был продвинутым студентом и уже в те годы критиковал социалистическую политику режиму Юлиуса Ньерере, первого президента Танзании. В этот ранний период из-под его пера вышла работа «Невидимая классовая борьба», которая получила широкую известность и стала предметом оживленных споров. В ней Исса Шивджи обращал внимание читателя на то, какие социальные силы получили политическую репрезентацию в постколониальных государствах Африки, и каким силам этого, в свою очередь, не удалось достичь. Закончив Лондонскую школу экономики и Университет Дар-эс-Салама, он начал преподавать на юри-

дическом факультете в последнем, заняв пост, который не покидал до выхода на пенсию в 2006 году. В те годы он стал публичной фигурой, посвятив себя вопросам земельной реформы и конституционного права. Он пережил годы политической турбулентности и не подвергался репрессиям, несмотря на смелые комментарии в адрес неолиберальной политики в 1980х гг., а также по поводу корпоративизации университета. В 2008 году он получил позицию заведующего кафедрой panaфриканских исследований имени Джулиуса Ньерере, открыто заявив о своей цели: воскресить университет в качестве центра публичных дебатов. Профессор Шивджи стал источником вдохновения для множества молодых ученых, в том числе и для преподавателя политологии Сабато Нямсендела, который и провел это интервью. Он также принимал активное участие во Всемирном конгрессе МСА в Дурбане (Южная Африка) в 2006 году.

СН: Ваша связь с Университетом Дар-эс-Салама (так-

>>

же известным как Млимани) началась в 1967 году, когда вы учились на юриста. Закончив обучение, вы начали преподавать на юридическом факультете в этом же университете, чем занимались в течение 36 лет. Почему вы решили остаться в университете, в то время как остальные ваши прогрессивные коллеги покинули его?

ИШ: Действительно, многие мои товарищи выбрали работу в других институтах, в том числе в Госслужбе, в Партии и даже в армии. В ретроспективе это может показаться довольно наивным, но я хочу сказать, что это было результатом коллективного решения моих товарищей. Мы вместе решали, на каком месте каждый из нас будет более продуктивен. Товарищи подумали – и я с ними согласился – что мне следует остаться в университете, чтобы заняться прогрессивной интеллектуальной и идеологической работой.

Университет действительно являл собой относительно большое пространство для развития прогрессивных идей, для создания и поддержания атмосферы интеллектуального сотрудничества. В то время националистические интересы в сочетании с глубинным интеллектуальным пониманием империалистической системы помогли воспитать радикальных молодых ученых, многие из которых стали преподавать в школах и таким образом подготовили почву для роста будущей прогрессивной мысли и практики.

Я никогда не жалел, что всю жизнь провел в университете.

СН: В своей книге «Процесс накопления капитала на африканской периферии» вы выделяете три фазы пост-колониального опыта африканских стран, в том числе Танзании: фаза национализма (1960е - 1970е), критическая фаза (1980е) и неолиберальная фаза (начиная с 1990х и по сей день). Каким образом эти изменения повлияли на Млимани?

ИШ: Университеты существуют в определенной социальной среде, которая, несомненно, оказывает на них влияние. Десятилетие восьмидесятых представляло собой невероятно критический период для нашей страны, как, впрочем, и для всей остальной Африки. Университеты были истощены из-за нехватки ресурсов, и при этом подвергались непрерывной идеологической и интеллектуальной атаке неолиберальных предписаний. Многие мои коллеги бежали в университеты Южной Африки – в Лесото, Ботсвану, Свазиленд, а потом и в ЮАР и Намибию.

Однако некоторые выдержали давление и остались в Танзании, в том числе многие молодые радикальные ученые, впитавшие прогрессивные идеи в течение первых двух декад революционного запала национализма. Они продолжили заниматься важной работой. Например, они представляли собой интеллектуальную сторону «великого» конституционного дебата 1983-84 года, становясь на антиавторитарные и антигосударственные позиции. Конечно, существовали и другие тенденции, были те, кто считал, что либеральная демократия, соблюдение прав человека, многопартийность являются конечной целью. Такие интеллектуалы были ориентированы скорее на умеренные реформы, чем на коренные преоб-

разования. Затем, меньшинство рассматривало борьбу за демократию как школу независимого классового действия и потому требовало революционных реформ. Приведу пример: реформисты требовали немедленного учреждения многопартийности, в то время как революционеры в первую очередь требовали разделения партии и государства и затем проведения длительных общенациональных дебатов о событиях, произошедших после обретения независимости, с целью достижения нового национального консенсуса.

В течение перехода от националистического к нео-либеральному периоду Млимани оставался эпицентром дебатов и идеологической борьбы. Все это, однако, сошло на нет на третьей фазе правления, когда неолиберализм консолидировался в стране, а профессионализация и корпоратизация университета стала набирать обороты.

СН: В 2008 году вы были назначены первым деканом направления Пан-Африканские исследования, которое на суахили известно как Кигода. Вскоре после вашего вступления в должность появились сообщения о том, что вы считаете за «честь» «сохранить живое наследие Ньерере». Какое наследие Вы имели в виду, учитывая тот факт, что в своей работе Вы описываете Ньерере как жесткого оппонента марксизма и низовой борьбы?

ИШ: Ньерере был радикальным националистом. Он был прогрессивным пан-африканистом и анти-империалистом в широком смысле. Несомненно, его анти-империализм не был основан на радикальной политической экономике, в отличие от анти-империализма Кваме Нкрумы. Однако его пронародная позиция была последовательной, а антиимпериалистическая и националистическая – прогрессивной.

Его позицию нужно сравнивать с политикой неолиберального политического класса, который последовал за ним, и учитывать хаос, который этот класс создал в нашем обществе. В этом контексте любой сторонник прогресса, даже марксист, обязательно обратиться к наследию Ньерере и сочтет его полезным идеологическим ресурсом в борьбе против нынешней хищной фазы капитализма.

Ньерере не был марксистом и даже не притворялся таковым. Сам Маркс, сталкиваясь с примитивным, вульгарным марксизмом, восклицал «Я не марксист!»

Естественно, как глава государства он выступал против низовой борьбы. Но означает ли это, что прогрессивный человек не должен признавать важность прогрессивного наследия Ньерере и извлекать уроки из его противоречивой сущности? Друг мой, марксист не является пуристом, он или она – человек политический!

СН: Что вы подразумеваете под «противоречивым характером» наследия Ньерере?

ИШ: Не могу рассказать ничего лучшего, чем одну университетскую историю. Через несколько месяцев после того, как Мвалиму Ньерере исключил из университета студентов за антигосударственные демонстрации в 1978 году, он посетил кампус. Один студент осмелился задать ему неудобный вопрос: «Мвалиму, вы говорите о демократии, но когда мы участвовали в демонстрации за

>>>

демократию, вы сами прислали спецназ, чтобы избить нас!»

Пристально посмотрев на него, Мвалиму ответил: «А чего вы хотели? Я глава государства. Я стою во главе института, обладающего монополией на насилие. Естественно, что если кто-то устраивает на улице беспорядки, я вышлю полицию, чтобы усмирить его. Но означает ли это, что вам следует прекращать борьбу за демократию? Демократия не достается никому на блюдечке с голубой каемочкой» (это не его точные слова).

И мы все заплодировали. Мвалиму все было нипочем!

СН: Иранский революционный интеллектуал Али Шариати однажды назвал университеты «непобедимой крепостью», чья главная задача заключается в производстве интеллектуальных рабов для корпоративного мира. Смогла ли Кигода, программа panaфриканских исследований, открыть ворота «крепости» университета и навести мосты с массами? И если да, то каким образом?

ИШ: Было бы глупо с моей стороны заявлять, что Кигоде удалось открыть ворота университетской «крепости». В терминах Альтюссера университеты – часть идеологического аппарата государства. Доминирующие интеллектуалы, вне сомнения, являются производителями и трансляторами доминантного знания, которое формирует основание для доминирующих идеологий.

Но в соответствии с природой процесса производства знания, неизбежны столкновения идей. Благодаря этому освобождается место для мировоззрения, отличного от доминантного. Несмотря на это, существование таких пространств свободы не следует принимать как должное. У них есть свои границы, и в кризисные времена даже эти пространства оказываются под угрозой подавления. За обладание такими прогрессивными пространствами ведется постоянная борьба. И как любая борьба, эта интеллектуальная борьба также требует разработки определенных форм и методов.

Это все, что Кигода старалась сделать. Ничего более. Возможно, нам удалось разбудить какой-то интеллектуальный энтузиазм. Возможно, мы заручились доверием со стороны молодых интеллектуалов. Может быть, успехом можно считать возрождение прогрессивных традиций Млимани. Но и эти успехи были ограниченными. Это стало очевидным к концу моей работы в университете.

В рамках структурных условий свобода человеческого действия не является безграничной. Мне кажется, что Е. Карр, вслед за Марксом и Плехановым, сказал, что в то время как личность может менять ход истории, она не в силах контролировать обстоятельства, в которых ей суждено это делать.

СН: Ньерере когда-то предостерегал угнетенных против использования денег в качестве оружия. Однако, кажется, что финансирование стало центральным элементом интеллектуальных проектов. Работа не сдвигается с места без денег. Даже самые прогрессивные

организации не смогли избежать участи преклонения перед капиталистическими структурами в поисках денег. Каким образом в этом плане была организована деятельность на вашей программе panaфриканских исследований?

ИШ: Вы правы, деньги, донорские деньги превратились в двигатель интеллектуальных проектов. Кигода, несомненно, столкнулась с проблемой финансирования, но она установила определенные принципы с самого начала. Во-первых, все административные затраты, в том числе зарплата председателя и его ассистента, назначались из основного университетского бюджета. Во-вторых, было принято решение не соглашаться на иностранное финансирование. В-третьих, деньги, получаемые от государственных структур или дружественных африканских интеллектуальных организаций, не должны сопровождаться никаким политическим манипулированием. И, наконец, повестка и деятельность программы должны были определяться только ее коллективом.

Было непросто, но мы справились благодаря тому, что строго контролировали бюджет, часто прибегали к помощи волонтеров и тратили деньги с крайней осторожностью.

СН: Теперь, когда Вы вышли на пенсию, какими проектами Вы планируете заниматься?

ИШ: Когда я все еще работал в университете, мы с двумя коллегами, профессором Саидом Яхья-Отманом и Доктором Нгваза Каматой, начали проект по написанию подробной биографии Мвалиму Ньерере при поддержке Танзанской Комиссии по науке и технологии. В настоящее время мы фактически закончили наше исследование – если о таком типе исследований вообще можно сказать, что его можно завершить. Теперь мы приступили к стадии написания текста.

Один из важнейших результатов исследования – это создание Ресурсного центра имени Ньерере. В Центре будет комната документации, где будет храниться весь собранный материал, и где он будет доступен для исследователей. Вокруг Центра мы организуем поле деятельности, функцией которого будет предоставление платформы для стратегического планирования, дебатов и дискуссий. Мы планируем начать работу в этом году. Я надеюсь, что Центр станет успешной платформой для обсуждения важнейших проблем, с которыми сталкивается страна и континент.

Я полагаю, что неолиберальная культура НКО и консалтинговых агентств с упором на политику – больше «дела», меньше слов и размышлений – оказала значительное влияние на наше сознание, в результате чего мы отреклись от попыток проанализировать и понять мир. Мы не можем бороться за улучшения в мире без того, чтобы предварительно лучше понять этот самый мир. Для этого, нам необходимо окунуться глубоко в историю. Я надеюсь, что Центр внесет свою лепту в возрождение культуры целостного, долгосрочного мышления. ■

Корреспонденцию направляйте Сабато Нямсенде <sany7th@yahoo.com> и Иссе Шивджи <issashivji@gmail.com>

> Капитализм и климатическая справедливость

Герберт Доцена, Университет Калифорнии, Беркли, США, член ИК МСА по рабочему движению (ИК 44)

Народный Марш в защиту Матери-Природы во время саммита ООН в Лиме, посвященного изменению климата. Общие движения всего мира требуют: «Меняйте систему, а не климат!»
Фото Герберта Доцены.

В декабре 2014 года тысячи человек со всего мира вновь собрались на альтернативном «Народном саммите», событии, проходившем одновременно с конференцией ООН по вопросам окружающей среды и уже успевшим стать традиционным с момента самой первой такой конференции, состоявшейся в Стокгольме в 1972 году. Массовое шествие прошло по улицам Лимы, а тысячи представителей государств всего мира встречались в это время на военной базе столицы Перу во время последней Конференции участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата.

Призывы, озвученные «народным саммитом», как всегда были неоднородны. Некоторые размахивали яркими табличками с лозунгами «Мы призываем к немедленному принятию серьезного закона по климату!» или «Меньше слов, больше дела!», то есть с требованиями, которые предполагают, что существует – или может су-

ществовать – гармония интересов тех, кто участвует в демонстрации, и тех, кто встречается на конференции всего лишь в четырнадцать километрах от шествия, и что последние могли бы в условиях современной системы принять «серьезный закон по климатическим изменениям».

Но чаще всего я слышал совсем другое требование, зафиксированное даже на главном транспаранте массового шествия: «Меняйте систему, а не климат!». У этого лозунга есть много вариаций, таких как: «Спасите планету от капитализма!», «Капиталисты – убийцы!», «Конференция участников – гнездо предателей!». Эти требования подразумевают, что существует глубокий антагонизм между теми, кто формулирует требования и теми, кому они адресованы, и последние не способны «спасти планету» в нынешних структурных условиях.

Призыв к изменению системы все чаще звучит в разных уголках нашей планеты в последние годы: на ше-

ствии, которое прошло в Нью-Йорке в прошлом сентябре и в котором участвовало 400 тысяч человек, на менее крупномасштабной демонстрации в 2013 году во время саммита ООН, на беспрецедентной конференции по общественным движениям в Кочабамбе в 2010 году, на копенгагенском саммите в 2009 году – и даже в рамках саммита ООН из уст самопровозглашенного социалиста, президента Боливии Эво Моралеса,.

То, что этот призыв так часто звучал в Лиме, стало с одной стороны реакцией на высокий уровень протеста на континенте. Но распространение его за пределы Лимы также могло быть сигналом того, что в человеческом сознании и идентичности по всему миру произошли некие крупномасштабные изменения, а кроме того, произошли значительные изменения в балансе общественных сил, заинтересованных вопросами экологического кризиса. Этот призыв указывает на нарастающую неспособность доминирующего в этом мире блока использовать одну из

>>

важнейших форм власти: способность задавать условия и язык дебатов, задавая условия того, каким образом люди видят мир и категоризируют самих себя.

В конце концов, как минимум с 1970х гг., разнообразные группы государственных деятелей, руководителей бизнеса и других интеллектуалов активно работают – разнообразными, часто конфликтующими способами над тем, чтобы превратить любое требование по изменению системы в немыслимое и невыразимое. Они стараются достичь этого, формулируя и пропагандируя позиции и идеологии, которые репрезентируют правящую элиту всего мира как «спасителей» планеты, интересы которых находятся в состоянии глубокой гармонии с «народом» и которые способны найти выход из кризиса без отказа от капитализма.

Внезапно столкнувшись с неожиданным ростом радикальных движений, выступающих за защиту окружающей среды, возлагающих вину за проблемы на капиталистов и в сущности бросающих вызов их гегемонии, элиты были вынуждены вступить в борьбу за то, каким образом репрезентировать и осмыслить эти «изменения» (часто остающуюся незамеченной аналитиками «глобальных экологических изменений»).

Прибегая к помощи аппаратов производства знания ОЭСР, Всемирного банка, ООН, а также целого созвездия НКО и других организаций мирового гражданского общества, в течение последующих двух десятилетий элиты работали над тем, чтобы нейтрализовать и поглотить радикальную критику экологов, разрабатывая и распространяя такие дискурсы как «устойчивое развитие» или «экологическая модернизация», которые обвиняют в экологическом кризисе «рыночные сбои», чьи-либо «личные интересы» или исключительно индустрию добычи ископаемого топлива – но никогда не всю систему в целом – и изображают капиталистов добропорядочными, ответственными «партнерами». Посредством ежедневных институционализированных практик – начиная с практики подсчета выбросов (по странам, а не по классам), и заканчивая тем, каким образом загрязнителей социализируют, а не наказывают, они стремятся сформировать у людей общий взгляд: проблема заключается не в системе, а капитал – не враг.

Короче говоря, глобальные элиты работают над формированием глобальной культуры или над формированием определенной формы «здорового смысла» у людей, с целью противостоять идеям, пропагандируемым радикальными движениями, и нейтрализовать посеянное этими движениями массовое недовольство. В значительной мере их деятельность увенчалась успехом. Радикальные движения, некогда успешные и способные встряхнуть капиталистическую гегемонию, начиная с 70х-80х гг стали отодвигаться на периферию. Те, кто требовали «системных изменений», успешно маркировались как безумные «экстремисты». Действительно, стало легче представить себе Апокалипсис, чем смену системы!

Несмотря на это, в Лиме и по всему миру, все растущее число людей – в том числе автор бестселлеров Наоми Кляйн, Папа Римский Франциск, да и другие влиятельные фигуры – вновь открыто заявляют о связи капитализма и климатических изменений, характеризуя капиталистов как бессердечных «хищников» и стараясь представить потенциальные «системные альтернативы». Все это указывает на то, что гегемонам не удалось окончательно убить глобальное контр-гегемонное движение!

Однако к настоящему моменту исход конференции ООН в Лиме показывает, что это движение все еще не настолько сильно, чтобы остановить пропаганду властными группами своего «решения» экологического кризиса. Именно поэтому передовики капитализма отрицают тот факт, что кризис укоренен в системе, а менее дальновидные чиновники и представители бизнеса отрицают наличие кризиса как такового и противостоят даже самым слабым реформам, стараясь управлять мировой экономикой, сохраняя свои позиции в ОЭСР, Всемирном банке, университетах, департаментах политического планирования и так далее. Эти лидеры на самом деле очень серьезно относятся к слоганам радикальных экологов. Они старательно работают над тем, чтобы «изменить систему» – но так, чтобы на самом деле оставить ее неизменной.

Напуганные экологическим кризисом и радикальными движениями, более дальновидные интеллектуалы, присоединившиеся к господствующим классам, в течение последних тридцати лет проводят исследования и ведут

дебаты о том, как разработать некую форму «глобального экологического менеджмента», способную «спланировать» или «отрегулировать» капиталистическую эксплуатацию природы.

В течение последних пяти лет многие – в основном, представители развитых стран, но не только они, – проповедуют общий подход «экологической модернизации» через глобальное неолиберальное регулирование. Это «решение», которое предполагает следующее. Во-первых, введение норм, предписывающих всем правительствам стремиться к уменьшению общего объема глобальных выбросов, но, в конечном счете, оставляющих окончательное решение за каждым правительством. Во-вторых, разработку рыночных механизмов (углеродных рынков, налогов), цель которых состоит в том, чтобы «назначить углероду цену», «соблазнить» капитал к переходу на «низкоуглеродные» технологии и инвестиции, а также позволить им найти «эффективные» и «выгодные» решения для достижения собственных целей.

Несомненно, сторонники такого решения не достигли окончательного успеха в завоевании консенсуса со стороны мировых элит. Есть также противостояние Глобального Юга. Частично потому, что их собственная способность заручиться поддержкой населения своих граждан зависит от получения уступок Севера, многие, если не все правящие элиты развивающихся стран проводят кампанию за альтернативную экологическую модернизацию при помощи более социально-демократического глобального регулирования. В соответствии с этим решением мировые государства, действующие сообща в качестве международной власти, общими усилиями назначали бы верхнюю границу глобальных выбросов и вместе проводили бы глобальную перераспределительную политику, напрямую уговаривая правительства снизить выбросы и передать ресурсы развивающимся странам – а не полагаться на рыночное решение вопроса.

Но разрываемые своими внутренними слабостями и противоречиями, правительства развивающихся стран год за годом доказывают свою неспособность – или нежелание – блокировать рыночные механизмы, предлагаемые развитыми странами и заручиться поддержкой своих соб-

>>

Люди с разных концов политического спектра наводнили центр Лимы в одном из самых воинственных международных демонстраций по поводу климатических изменений за несколько лет. Фото Герберта Доцены

ственных глобальных решений. Поэтому несмотря на жаркую борьбу со своими коллегами из развитых стран, многие правящие элиты развивающихся стран все же разделяют одну большую и общую цель: изменить систему так, чтобы она на фундаментальном уровне осталась неизменной.

В результате представители развитых стран делают успехи в постепенном закреплении оснований нового международного экологического соглашения, которое собираются подписать в Париже в следующем году и которое вступит в силу к 2020 году – в соответствии с идеями глобального неолиберального регулирования. Однако это соглашение вряд ли сможет снизить выбросы в той мере, которая необходима для предотвращения катастрофических климатических изменений или предоставления достаточного объема ресурсов для устранения его последствий. Таким образом, мы стремительно приближаемся к заключению нового соглашения, которое внесет свою лепту в воцарение мирового климатического хаоса и новой эры варварства.

Однако надежда остается. В конце концов, способность господствующего блока насаждать свои решения зависит от их продолжающейся способности отражать сопротивление. А это, в свою очередь, зиждется на их умении представить себя в качестве «партнеров» - умении, основанном на убеждении окружающих в том, что они преследуют универсальные интересы и смогут выйти из кризиса без разрушения существующей системы.

Все это, однако, требует материальных жертв со стороны гегемонного блока – таких жертв, на которые блок, кажется, не готов или не способен пойти. Неспособность мировых господствующих элит поддержать собственные гегемонные заявления породит лишь рост разочарования и недовольства, и мы уже видим признаки этого отношения в группах умеренных активистов-экологов, совершивших демарш на переговорах в Лиме. Также очевидно, что растет согласие с позицией, сформулированной активистами уже в 1972 году, о том, что участники официальных встреч не в состоянии принять «серьезный закон по поводу изменений климата».

Но перерастет ли этот очевидный кризис гегемонии в движение, способное мобилизовать необходимые социальные силы для подавления неэффективных решений элит? Смогут ли разочарование и недовольство превратиться в активное сопротивление? Это совсем неясно. Много зависит от способности умело лавировать между двумя противоречащими друг другу целями: привлечением как можно большего числа людей, представляющих различные политические платформы на улицы и целью изменения их понятия о «здоровом смысле» и субъективности. Эти две цели не всегда совместимы, потому что формирование широкой коалиции заставляет искать наименьшее общее кратное, повторять банальные истины и говорить на языке «здорового смысла» - то есть языке, который воспроизводит, а не трансформирует господствующую систему. Без изменения положений

«здорового смысла» даже самые широкие коалиции и массовые демонстрации могут невольно оказаться в ситуации помощи господствующим элитам в воспроизводстве системы.

В такой ситуации совершенно необходима стратегия, которая не отчуждает публику и в то же время не отказывается от наступления на глубоко укорененные категории и не критично принимаемые воззрения и мнения, мотивирующие людей на содействие системе. Для этого важно было бы провести большую демонстрацию после завершения переговоров в ООН, закончившихся в Париже, а не перед ними, чтобы опровергнуть мнение о том, что «народ» рассчитывает на мудрость и благосклонность мировых элит для спасения планеты. Для этого потребовалось бы поставить под вопрос решения, звучащие прогрессивно, но формулирующие климатический кризис в терминах государств, но не в терминах класса, как, например, предложение поделить «углеродный бюджет» между странами. Потребовалось бы согласие даже прогрессивных социалистических правительств на следование пути поиска независимости от углеводородов.

Теперь, когда нам удалось поставить «изменение системы» на повестку дня, задача состоит в том, чтобы сделать ее убедительной, подробно описав наши «системные альтернативы» и наши «конкретные фантазии». ■

Направляйте корреспонденцию Герберту Доцене по адресу <herbertdocena@gmail.com>

> 0 практике публичной социологии

Ариане Ханнемайер, Университет Альберты, Канада, и **Кристофер Шнайдер**, Университет Вильфрида Лорье, Канада

Ариане Ханнемайер и Кристофер Шнайдер экспериментируют с публичной социологией. Фото Ариане Ханнемайер.

Смысл публичной социологии заключается в том, чтобы вовлечь разношерстную публику в диалог с целью взаимного образования. Несомненно, существует много разнообразных способов занятия публичной социологией. В этом коротком эссе мы рассмотрим две сходные версии занятий публичной социологией (для «цифровых» примеров см. «Public Sociology, Live!» МСА, а также раздел «e-public sociology» в нашей книге *The Public Sociology Debate*). Один из способов – это создание своеобразной социологической версии «философского кафе», которое мы назвали «Воскресный социолог». Затем мы придумали другую форму публичной социологии, запустив университетский курс,

представляющий собой вариацию социологического кафе «Воскресный социолог», то есть социологических встреч, которые мы проводили в местной кофейне. Не случайно кофейни частенько называли «копеечными университетами» (penny universities) – по тому, сколько стоил вход – ведь на протяжении истории они выступали в качестве важной социальной среды, где в диалог могли вступить представители разнообразных социальных статусов: студенты, торговцы, интеллектуалы.

Вдохновленные «копеечными университетами», в 2009 году мы запустили проект «Воскресный социолог» (www.sundaysociologist.com), надеясь собрать людей с макси-

>>

мально широким разбросом мировоззрений. Мы пригласили членов местного сообщества, преподавателей университетов, а также студентов, на ежемесячные встречи в Келовне (Британская Колумбия, Канада) для обсуждения таких важных и интересных тем, как последние новости, вирусные видео, политические проекты и так далее. Мы преследовали цель, во-первых, достучаться до широкой и разнообразной публики, и, во-вторых, обсудить с разными людьми вопросы локальной и глобальной важности. Наши беседы вызвали множество оживленных плодотворных дебатов, которые помогли кристаллизовать и развить нашу профессиональную жизнь, обратив внимание на важные вопросы – как приватные, так и публичные – обычно не обсуждаемые в университетской аудитории.

Мы решили, что будем проводить встречи в каждое второе воскресенье месяца в послеобеденное время. Такое расписание не случайно: мы хотели привлечь тех, кто работает полный рабочий день и, следовательно, занят в течение недели. Мы рекламировали наше социологическое кафе на бесплатном сайте. Ежемесячные встречи посещали разные преподаватели, школьники и студенты, пенсионеры, а также один мужчина, представившийся Бренданом, «продавцом пылесосов» и «обывателем».

Хотя наше социологическое кафе было названо в честь дня недели, на который приходились встречи, мы надеялись подчеркнуть, что кем бы мы ни были и во что бы мы ни верили, все мы когда-то задаем в сущности социологические вопросы, осознаем мы это или нет. В отличие от, например, от ситуации профессиональных химиков, общество уже изначально живет в своей лаборатории. Социальное формирует человека, и наоборот. Вирус социологического воображения повсеместен. Если социологическое воображение может вдохновить нас на то, чтобы провести воскресный вечер, занимаясь рефлексией, тогда развитие этого типа мышления может быть реализовано как важный инструмент в жизни публики, с которой мы сталкиваемся на наших встречах в кофейне.

«Воскресный социолог» вдохновил открытие в университете курса с собственным силлабусом. Идея заключалась в том, чтобы приглашать людей извне к посещению социологического курса в университете. Каждую неделю, по плану, приглашенный социолог в течение часа читает лекцию в доступной манере, после чего следует час обсуждения в группе (курс могли посещать не более тридцати студентов). Объявление о курсе и об очередной лекции появлялось в еженедельном университетском пресс-релизе и в социальных сетях (еженедельно приходило около 100 человек). Студенты-социологи и члены публики были разделены на дискуссионные группы так, чтобы они могли участвовать в открытом диалоге. Затем, вместе с приглашенным преподавателем и его ассистен-

том, мы обходили группы, чтобы послушать, о чем говорят наши ученики, и дополнить их диалоги социологическими материалами.

Некоторые из тех, кто посещал «Воскресного социолога», регулярно приходили на лекции. Мы получили большую поддержку участников. Например, продавец пылесосов Брендан отметил: «Никогда бы не мог подумать, что я могу не только участвовать в этих разговорах, но и добавлять что-то полезное. Несомненно, это вдохновляющий опыт!» Другой посетитель сказал: «Мне, как человеку, которому скоро исполнится 80 лет, было невероятно приятно и интересно общаться молодежью и слушать, как они обсуждают социологические вопросы».

Эти инициативы из области публичной социологии заставили нас задуматься о нашей профессии и ее перспективах. Одна из наиболее часто встречающихся дилемм, с которыми мы сталкивались, заключалась в том, как представить сложные социологические идеи так, чтобы они показались широкой публике понятными и релевантными. Мы осознали, что наша работа за пределами университета представляет собой непростую задачу и дополнение к непосредственным профессиональным обязанностям, но мы также пришли к выводу, что результат, несомненно, стоил вложенных усилий и времени. Наши проекты пользовались большой общественной поддержкой, а поиск путей привлечения членов местных сообществ в наш социологический проект показался нам вполне благодарным занятием.

Келовна – достаточно благополучный город, многие его жители – пенсионеры. Он располагается в комфортабельном районе Британской Колумбии. У многих пожилых обеспеченных посетителей нашего курса были университетские дипломы. Например, Джойс, регулярный посетитель воскресной школы и курса, отметил: «Я уже и забыл, как мне нравилась социология в университете в 70е-80е. Потрясающе пройти через это опять». Попытки организовать подобные проекты в рабочих сообществах могут столкнуться с разнообразными трудностями. Наш проект основывался на определенных предположениях, релевантных в нашем конкретном случае: мы могли с уверенностью предположить, что у большинства есть доступ в интернет, что большинство следит за последними новостями и даже слушает радиостанции левого толка, на которых рекламировались наши встречи, и что у гостей была достаточно высокая мотивация для регулярного участия. Социологи, которым хотелось бы воплотить в жизнь подобный проект в других сообществах, должны предварительно подумать, с какими трудностями они могут столкнуться в той социальной среде, где они работают, и спланировать способы решения этих проблем. ■

Корреспонденцию направляйте Ариане Ханнемаайер <ahanemaa@ualberta.ca> и Кристоферу Шнайдеру <cschneider@wlu.ca>

> Возвращая право на город:

народная мобилизация в Чили

Симон Эскофье, Оксфордский университет, Великобритания

Настенная живопись в протестующем квартале Вилла Франсия призывает жителей: «Организоваться для борьбы, боритесь до победы».
Фото Натаниэля Вюиллемэна.

Несмотря на продолжительную историю общественной мобилизации, городские бедняки Чили, начиная с 90х гг., нередко изображались как пассивные политические акторы, страдающие от сегрегации и разнообразных социальных недугов. На основании своего исследования в районе Пеньялолен в Сантьяго я утверждаю, что, напротив, как минимум в ряде случаев, городским бедным удавалось организовать устойчивое низовое сопротивление, возвращая себе право на город.

Дэвид Харви (2008: 23) определяет право на город как «право изменять себя посредством изменения города». Устанавливая связь между урбанизацией и капитализмом, Харви, в соответствии с академической традицией, утверждающей верховенство людей над прибылью, пишет, что люди заслуживают того, чтобы иметь возможность самостоятельно вносить изменения в процесс урбанизации, применяя коллективные усилия. Для бедных жителей городов использование этого права часто подразумевает защиту своего городского жилища, доступа к сервисам и ресурсам города, а также противостояние урбанистическим процессам капиталистического производства прибавочной стоимости.

Мейнстримные научные тексты утверждают, что посредством стабильной коллективной мобилизации чилийским городским бедным удалось завоевать и отстоять свое право на город, хотя в некоторых случаях это происходило более систематически, чем в других. Коллективная борьба за жилье со стороны бедных жителей городов в Чили началась еще в 1920е годы. Тогда возникло так называемое «движение жителей»,¹ сотрудничавшее с рядом политических партий и многими другими институтами. Движению удалось занять центральное место на чилийской политической арене, оказывая давление на власти через захват территорий в городской черте. Между 1957 и 1970 гг. оккупация земель была особо распространенной практикой и вносила важные изменения в облик чилийских городов, особенно столицы Сантьяго. В 1972 году во время правления Альенде 16,6% населения Сантьяго проживали в неформальных поселениях (Santa María, 1973: 105).

Как территории, на которых базировались левые организации, трущобы подверглись зачистке со стороны военной диктатуры (1973-1989). Некоторые превратились в настоящие крепости низового сопротивления и сумели сыграть важную роль в организации крупных протестов, которые,

>>

начиная с 1983 года, начали обличать жестокости режима.

После 1990 года, когда в Чили была восстановлена демократия, отчеты о координированных действиях городских жителей пропали со страниц академических журналов. Хотя несколько исследовательских центров рассматривали народную мобилизацию 1980х (например, Университет Чили и Другие), в 1990е академические тексты подчеркивали демобилизацию, а не коллективные действия, описывая трущобы как рассадники криминала, торговли наркотиками и других социальных проблем (Hipsher, 1996; Tironi, 2003).

Случай Пеньялолена, восточного района Сантьяго, наряду с другими низовыми инициативами, разработанными в чилийских городах, представляет собой опровержение нарративов о демобилизации. Жители кварталов Пеньялолена в течение последней четверти века регулярно участвуют в организации протестных инициатив. Им удается не только заявить о своих правах, но и принять непосредственное участие в формировании городской среды.

Требую «права на жизнь», почти 900 семей сквоттеров из разных частей Пеньялолена создали «Координационный комитет людей без дома» и вторглись на дорогостоящую землю на востоке района. Зимой 1992 года они провели первую оккупацию земель со времени установления нового демократического режима, назвав ее *Esperanza Andina*. Низовая организация (отвергая вмешательство политических партий и правительств) *Esperanza Andina* смогла четко сформулировать требования социального жилья в пределах города – препятствовать периферийной релокации бедных, часто являющейся ключевым элементом политики социального жилья. После нескольких лет борьбы, конфликтов и переговоров жителям удалось получить официальные права на землю, позволившие перевести квартал на легальное положение, а также оформить субсидии на строительство домов на том же участке.

В июле 1999 года непрекращающийся спрос на жилье, вкуче с отказом жильцов переезжать на городскую периферию, привел к очередному захвату земли в Пеньялолене. Произошел крупнейший с 1990 года захват земель в стране, получивший название «*Toma de Peñalolén*». В акции участвовали более 1800 семей, требовавших у властей предоставить субсидии на строительство социального жилья в районе. Хотя среди организаторов захвата в конце концов произошел раскол, после которого более радикальная фракция была исключена из переговоров, к 2006 году около 900 семей переехали в новые дома, построенные в Пеньялолене, а большинство остальных переехали в другие районы.

Борьба Пеньялолена за социальное жилье не угасает по сей день. Действительно, с 2006 года «Движение борющихся жильцов» – левая низовая организация, зародившаяся в этом же районе, – занимается координацией локальных домостроительных комитетов, требуя соблюдения права на социальное жилье в районе проживания.

События в Пеньялолене, однако, также показывают, что борьба за социальное жилье может оказаться недостаточной для того, чтобы бедные жители реализовали в полной

мере право на город. В 2009 году низовые организации жителей узнали, что к внедрению готовится новый городской план Пеньялолена. Изменяя земельное законодательство для строительства зданий и новых дорог с целью улучшения доступа к району и привлечения новых ритейлеров, новый генплан способствует повышению стоимости земли. Более того, он не предусматривал выделения земельных площадей, достаточных для удовлетворения потребности жителей района в социальном жилье. В то время как некоторым жильцам эти изменения показались отражением положительной динамики, большая часть низовых организаций отвергла надвигающийся процесс гентрификации. Эти организации провели кампанию против нового генплана, призвав к проведению районного референдума. В итоге в декабре 2011 года генплан был отвергнут в результате демократической процедуры. Защитив район от гентрификации, бедные жители смогли сохранить за собой городское жилое пространство, созданное ими в 60х-70х, во времена сквоттинга и самостроя.

Восточный квартал Пеньялолена, Эрмида (*Lo Hermida*), за последние 25 лет сумел развить культуру протестной мобилизации. Основываясь на идее общественного блага и идентичности, укорененной в коллективном действии, соседи участвуют в разнообразных кампаниях, включающих коллективное возвращение и ре-инкорпорирование локальных зон, отнятых другими социальными акторами. Например, жильцы организуют музыкальные вечера или разбивают парки на площадях квартала и рассматривают эти действия как формы возврата территорий, захваченных наркоторговцами или находящимися под угрозой захвата частными компаниями.

Исторически сложилось так, что Пеньялолен стал местом особо высокой концентрации низового коллективного действия. Аналогичные инициативы городских бедняков по защите своих прав проходили и в других частях страны (Sugranyes, 2010). Эта борьба показывает, что чилийским бедным все еще удается организовать эффективное и стабильное коллективное действие, требуя возвращения жителям права на город. ■

Направляйте корреспонденцию Симону Эскофье по адресу <simon.escoffier@sant.ox.ac.uk>

¹ Движение чилийской городской бедноты между 1920-ми и 1989 гг. традиционно называют «*movimiento de pobladores*» по-испански. Хотя я использую слова «бедняки» и «жители» в качестве взаимозаменяемых, это не совсем точно, поскольку испанское слово приобрело в Чили политическое значение: оно относится конкретно к бедным жителям города, борющимся за свои коллективные права.

Литература

Harvey, D. (2008) «The Right to the City.» *New Left Review* 53: 23-40. Retrieved from <http://newleftreview.org/II/53/david-harvey-the-right-to-the-city>.

Hipsher, P. (1996) «Democratization and the Decline of Urban Social Movements in Chile and Spain.» *Comparative Politics* 28(3): 273-297.

Santa María, I. (1973) «El desarrollo urbano mediante los 'asentamientos espontáneos': El caso de los 'campamentos' chilenos.» *EURE* 3(7): 103-112.

Sugranyes, A. (2010) «Villa Los Condores, Temuco, Chile Against Eviction and for The Right to the City,» pp. 145-148 in A. Sugranyes and C. Mathivet (eds.) *Cities for All Proposals and Experiences towards the Right to the City*. Santiago de Chile: Habitat International Coalition (HIC).

Tironi, M. (2003) «Nueva Pobreza Urbana, Vivienda y Capital Social en Santiago de Chile,» 1985-2001. *Revista de Sociología*. Santiago: Predes Editores.

> Сквоттеры и политика в Уругвае

Мария Хосе Альварес Ривадулья, Университет Розарио, Богота, Колумбия, член ИК21 МСА по вопросам регионального и городского развития

Ветхое сквоттерское поселение в Монтевидео, выросшее на окраинах территорий, ранее подвергшихся организованному захвату. Фото Марии Хосе Альварес Ривадулья.

За последние два десятилетия XX века город Монтевидео претерпел радикальные изменения: под влиянием неолиберализма и демократизации столица Уругвая превратилась в место растущего неравенства и сегрегации. Возможно, наиболее заметное изменение – и лишь верхушка айсберга – это рост неформальных поселений в Монтевидео.

Сквоттерские районы Монтевидео пережили качественные и количественные изменения. Неформальные поселения значительно выросли в размерах, но, как ни парадоксально, они обрели более четкую планировку. За этими изменениями, несомненно, стоят такие структурные условия, как непрекращающаяся деиндустриализация,

бедность, сокращение государственного бюджета, низкая реальная зарплата, а еще более непосредственно на них повлиял подъем арендной платы. И все же картина остается неполной, если мы не исследуем роль политики и экономических изменений: волна захвата сквоттерами территорий была не в последнюю очередь спровоцирована демократизацией и электоральной конкуренцией.

Многие полагают, что сквоттинг – это спонтанный процесс, который является «естественным» последствием недостатка экономических ресурсов. Однако более пристальный взгляд на Монтевидео показывает, что этот феномен является реакцией политических сетей на политические возможности – таких, как выборы или децентрализация.

>>

Роль государства и политики в Латинской Америке в образовании сквотов давно была объектом внимания, отчасти потому что связь между политической обстановкой и неформальными поселениями здесь прочнее, чем в других местах на земном шаре. Однако случай Монтевидео несколько необычен даже для Латинской Америки. Несмотря на то, что захват земель – *cantegriles* – происходил регулярно, с 1940-х годов, уругвайская столица была способна принять большинство сельских мигрантов, приехавших в город по программе индустриализации с предоставлением государственного жилья. Даже в 1980-х годах, несмотря на предупредительные сигналы растущего социально-экономического неравенства в городе, Монтевидео был эгалитарнее других городов континента как в экономическом, так и в пространственном отношении.

Однако в 1990-х незаконные поселения стали расти. Половине всех сквотов Монтевидео в 1999 году не было и пятнадцати лет, примерно треть этих новых поселений зародились благодаря организованному захвату земли. Некоторые запланированные вторжения даже имели утопический замысел, по крайней мере вначале: первые жители хотели чего-то большего, чем удовлетворения основных жилищных нужд. Предводители сквоттеров, обычно принадлежащие к радикальным левым фракциям, рассматривали запланированные вторжения на землю как вариант народной земельной реформы и неявную критику государственной жилищной политики. Другие, менее утопически настроенные, также производили организованные захваты, измеряли и распределяли участки, помогали товарищам строить дома, определять расположение улиц и публичных пространств, решать повседневные проблемы, создавать правила и обеспечивать их соблюдение. Далее, они организованно требовали предоставления коммунальных услуг, школ для детей, медицинского обслуживания и легализации района. Поселения сквоттеров – вероятно, самое живое проявление недавней политической активности городской бедноты в Уругвае. Во многом этот процесс описан в книге «Городская Латинская Америка» (Urban Latin America) Портеса и Уолтона – однако там рассказывается о об этом социальном феномене тридцати- или сорокалетней давности в других странах континента.

Что скрывается за этими переменами? Вопрос особенно интересен, так как в население Монтевидео фактически не выросло: сельские мигранты, как правило, переезжают в неформальные поселения других городов Уругвая, не в Монтевидео. Многие сквоттеры столицы были вынуждены переехать из более благополучных районов города по причине создания новой семьи или же в результате ненадежных условий труда, связанных с деиндустриализацией; другие же были вытеснены с прежних мест резким повышением цен на аренду жилья.

И все же экономические факторы не могут полностью объяснить решение некоторых групп и нуждающихся семей переехать в незаконные поселения, особенно когда такие стратегии реализуются в относительно благополучном в экономическом смысле контексте, а не в ситуации экономического кризиса (как это было в 2002 году). Политика, а именно электоральная политика, послужила посредником в процессах возникновения и консолидации новых районов Монтевидео, особенно созданных в соответствии с планом развития города. Конец диктатуры в Уругвае и появление левой коалиции Frente Amplio («Широкий фронт») как тре-

тъем силы в конце концов выигравшей выборы в городе Монтевидео в 1990 году, усилили электоральную конкуренцию в городе, и по этой причине все политические стороны стали допускать и даже поощрять захват сквоттерами новых земель.

Большинство лидеров организованных сквоттерских поселений, сформировавшихся в 90-е, имели связи с политиками из различных партий. Многие, заявляли: «мы здесь аполитичны», однако в действительности были гипер-политизированы. В прошлом лидеры сообщества могли обратиться к партии Колорадо с требованием отремонтировать дороги, потому что министр коммунального строительства принадлежал к этой партии. При этом они также поддерживали связь с членом совета партии «Frente Amplio», который мог предоставить информацию о земле для потенциального освоения, а также оставались в хороших отношениях с членом совета правой консервативной партии Бланко, который посетил поселение.

Однако вскоре все городские акторы поняли, что кажущееся решение жилищного вопроса для бедных семей, способное выиграть голоса для партии, может создать большие проблемы в будущем. Условия жизни в сквотах ненадежны, а коммунальные услуги могут быть непомерно дороги – в то время как бывшие ранее легально заселенными дома, полностью обеспеченные коммунальными услугами, теперь пустуют. Городским чиновникам и политикам известно об этой проблеме, и это помогает объяснить, почему вторжения на новые земли не участились в период кризиса 2002 года, и почему уходящий президент Мухика, обычно чувствительно реагирующий на требования населения, лично вмешался в публичный процесс выселения сквоттеров в 2011 году. Кроме того, электоральная конкуренция за голоса городской бедноты снизилась, когда левые во второй раз оказались в большинстве в национальном правительстве в 2009 году.

Волна захватов земли в Монтевидео была не была продолжительной, однако она повлекла за собой долговременные последствия на городском и социальном уровнях. Даже сейчас, когда страна переживает экономический бум, *asentamientos* (сквоттерские поселения) все еще имеют ограниченный доступ к коммунальным услугам и испытывают несчетное количество социальных и экономических проблем. Программа обновления трущоб распространяется на множество районов, однако есть предел тому, что можно сделать с помощью инфраструктуры. Невозможно отмотать назад двадцать – двадцать пять лет: целое поколение молодых людей, выросших в неблагонадежных условиях и в изоляции бедности, носят клеймо сквоттеров, выросших в районах города, которые остальные жители считают неблагополучными.

Однако по этому поводу принимаются меры. В беднейших районах вблизи от нелегальных поселений муниципалитет разбивает роскошные общественные парки. Внедряются новые жилищные программы. Возможность освобождения от уплаты налога побудила частных подрядчиков строить социальное жилье в различных районах города. Растет число жилищных кооперативов. Тем не менее, эффективная интеграция сквотов и их жителей остается одной из главных задач Монтевидео. ■

Направляйте корреспонденцию Марии Хосе Альварес Ривадуде по адресу <majo.alvarez.rivadulla@gmail.com>

> Рост движения бездомных рабочих в Бразилии

Сибеле Ризек и Андре Даль'Бо, Университет Сан-Паулу, Бразилия

Марш MTST на проспекте Паулиста, центр города Сан-Паулу. Люди требуют больше народных реформ, больше прав.

Движение бездомных рабочих (MTST) в Бразилии началось в конце 1990х, объединив рабочих, разнорабочих, неформально занятых, прекариев и безработных, у которых, как у миллионов граждан Бразилии, нет доступа к достойному жилью, и которые вынуждены снимать жилье в небезопасных районах, чаще всего находящихся на городской периферии. В настоящий момент движение является активной силой бразильской городской политики. Именно ему принадлежит роль организатора большинства уличных демонстраций, прокатившихся по стране за послед-

ний год. Организационная динамика MTST может многое рассказать о политической дискуссии в Бразилии.

Важно, что это движение значительно отличается от движений за право на жилье, возникших в 80е и к настоящему моменту перешедших на сторону федеральной власти, возглавляемой Партией рабочих (Partido dos Trabalhadores, PT). MTST с самого начала было связано с Движением безземельных (в сущности, движением за наделение земельными правами людей, занятых в сельском хозяйстве). Движение бездомных рабочих как таковое

>>

было зародилось во время Народного марша 1997 года, когда активисты движения безземельных среди прочих захватили парк Озиель в Кампинасе, в штате Сан-Паулу. Первый подобный захват территории, организованный новым движением, произошел пять лет спустя в Гуарульюсе и был назван «Анита Гарибальди».

Со времен первой акции захвата территории Движение бездомных рабочих как минимум десять раз организовало крупные оккупации в агломерации Сан-Паулу и Кампинас, в том числе палаточные городки Чикку Мендес (Табуда Серра, 2005), Жон Кандиду (Итапекерика да Серра, 2007), Фрей Титу (Капинас, 2007), Жесус Сильверу (Эмбу дас Артес, 2008), Зумби дус Пальмарес (Сумаре, 2008), Дандаре (Хортоландия и Санту Андре, одновременно, 2011) и Новус Пиньериньюс (Санту Андре и Эмбу дас Артес, 2012).

В июне 2013 в Бразилии произошел резкий рост числа уличных протестов. Таким образом, закончился долгий период народной демобилизации, связанный с неолиберальными политическими изменениями. Неслучайно, что Движение бездомных рабочих проявило особо высокую активность, почти ежедневно участвуя в столкновениях с частными застройщиками, рынком недвижимости и государством. Помимо частых уличных демонстраций, в период между июнем 2013 и августом 2014 резко возросло число случаев захвата покинутых земель и строений как в Сан-Паулу, так и в других крупных городах: за последний год в Бразилии было зарегистрировано не менее 100 акций протеста, организаторы которых, несомненно, черпали вдохновение из действий Движения бездомных рабочих.

Бразилия страдает от нарастающей нехватки жилья. Только за период с 2011 по 2012 год рост дефицита жилья в крупных городах составил 10%. Тысячи семей ежедневно выселяются из своих домов: виной тому взрывной рост цен на землю, недвижимость и съемное жилье, то есть характерные черты бума на рынке недвижимости, происходящего в настоящий момент в Бразилии. Кризис возник несмотря на то, что правительство осуществляет крупнейшую программу социального жилья за всю историю страны. Вместе с другими социальными программами, программа, известная как «Мой дом - моя жизнь» (MCMV, аббревиатура от Minha Casa Minha Vida), внесла свою лепту в экономический рост, стимулируя создание рабочих мест, доступ к потребительским практикам и сервисам, ранее открытым лишь для классов с более высоким

достатком. По иронии, однако, программа социального жилья усугубила городскую сегрегацию и социальное исключение. Она не помогла беднейшим бразильцам переехать в центральные районы города, как и не обеспечила необходимой инфраструктурой жителей растущих городских окраин.

В данном контексте протесты Движения бездомных рабочих сыграли ключевую роль в формировании бразильской городской политики. Однако растущие связи Движения с правительством усложняют его положение: переговоры по поводу захвата территорий свидетельствуют о том, что Движение парадоксальным образом оказывается одновременно в рамках правительственных политических дебатов и за их пределами.

Эта двойственность наиболее очевидна при анализе результатов протеста. Как только Движение начинает переговоры с муниципалитетом по поводу оккупированной территории, городским властям поступает запрос экспроприировать эту землю. Затем часто случается, что Движение призывает включить семьи протестующих в правительственную программу социального жилья. Но новое социальное жилье способствует пространственной сегрегации, так как жилье для бедных чаще всего строится на городских окраинах, что лишь усугубляет пространственное неравенство.

Движение бездомных рабочих оказывается в неоднозначной позиции. Несмотря на то, что активисты ведут переговоры о местонахождении площадок строительства социального жилья (строящегося в рамках государственных программ на рынке недвижимости), захваты территорий и уличные протесты продолжают подвергаться жестокому подавлению: активистов выселяют, арестовывают, даже убивают. Таким образом, Движение бездомных продолжает иллюстрировать то, что не видно невооруженным глазом, обманутым социальными программами бразильских властей: несправедливость и неравенство в бразильских городах, парциальный характер изменений и социальных программ, непрекращающийся конфликт и политическая борьба даже после двенадцати лет господства Рабочей партии. Но важнее всего, наверное, тот факт, что Движение является воплощением надежды на более справедливое и эгалитарное будущее нищего населения бразильских городов. ■

Направляйте корреспонденцию Сибеле Ризек <cibelesr@uol.com.br>

> Протесты бедняков в Южной Африке

Пришани Найдю, Витватерсрандский университет, ЮАР

Жители поселка Орландо в Соуэто протестуют против исключения своего сообщества из программы строительства перед чемпионатом мира по футболу 2010 г. Фото Николаса Дилтинса.

Господствующий нарратив о первых двадцати годах вне-расовой электоральной демократии в Южной Африке подчеркивает успех политических институтов, игроков, политики и процессов, сформировавшихся в этот период. Несмотря на это, неформальные элементы постоянно просачиваются сквозь официальную картину, чаще всего в форме протестов, возникающих всегда за пределами политических партий, организаций или профсоюзов, в среде бедняков, объединяющихся для решения общих проблем, с которыми они ежедневно сталкиваются.

Особого интереса заслуживает борьба тех, кто проживает в неформальных поселениях – местах, устроенных планировщиками эпохи апартеида с целью укоренения жизненных условий «перманентной неформальности» для черного на-

селения. Такие условия по замыслу авторов идеи были необходимы для того, чтобы черные оставались в позиции подчинения и «не попали в беду». В ответ на нелегальный сквоттинг черными в черте города апартеид разработал политику, целью которой был контроль черных (чья функция сводилась исключительно к дешевой рабочей силе). Одним из элементов этой политики стало учреждение «неформальных городов» и поселений. Но именно эти поселения превратились в «рассадник» борьбы с апартеидом, именно здесь люди фантазировали о лучшей жизни, возможной после разрушения апартеида.

Сегодня, спустя более двадцати лет с момента формального избавления от институтов и политики апартеида, неформальность продолжает являться ежедневной реальностью для огромного числа бедных в Юж-

ной Африке. Они проживают во все еще разрастающихся поселениях, где до сих пор царят условия времен апартеида. Неудивительно, что с конца 90х каждую зиму (но все чаще и в другие времена года) бедные жители неформальных поселений выходят на улицы и шоссе с требованием доступа к ресурсам, необходимым для поддержания адекватного стандарта и качества жизни, в том числе к воде, электричеству и адекватному жилью (базовым услугам). Это становится все более распространенной чертой южноафриканской жизни: если в начале 2000х происходил плавный рост числа таких демонстраций, то после 2004 года наметился настоящий социальный взрыв.

Уже в 1997 году начали поступать сообщения об отдельных разбросанных по стране случаях протеста бедняков, лишенных водопровода

>>

и электричества. В течение последующих трех лет сообщения о таких случаях множились: сообщества бедняков все острее ощущали на себе последствия введения новых норм приватизации, роста безработицы, политики гибкости трудовых ресурсов – что являлось результатом неолиберальной макро-экономической повестки дня, принятой правительством в 1996 году. Муниципалитет начал требовать оплаты базовых услуг, в результате чего участились случаи отключения воды и электричества. Городские жители, ощутившие на себе последствия неолиберальной политики, начали объединяться и протестовать против нововведений, участвуя в разнообразных формах протеста: от маршей и пикетов до повреждения имущества и нелегального подключения к электросетям и сетям водоснабжения. В своей борьбе они активно сотрудничали с независимыми активистами, которые начали идентифицировать общего врага, стоящего за казалось бы разнородными проблемами: этого общего врага они называли «неолиберализм».

К 2001 году непрекращающаяся деятельность и критика со стороны активистских групп заставила комментаторов заговорить о возникновении «новых социальных движений, построенных на основании местных сообществ», чья важность заключалась в том, что это были первые движения с 1994 года, открыто артикулировавшие свою оппозицию власти и свою независимость от властных структур и провластных движений. В своей известной книге «Мы бедняки» социолог Ашвин Десай объявил о рождении нового политического субъекта, «бедняков», родившегося в борьбе локальных сообществ с разнообразными последствиями неолиберальной политики.

К 2004 году многие движения уже вступили в фазу стагнации и угасания. Совокупный эффект государственного давления, межорганиза-

ционных политических баталий и трудностей в доступе к ресурсам не мог не подорвать деятельность коллективов, державшихся на плаву в основном благодаря энтузиазму участников (в большинстве своем безработных и бедных). Во многих случаях сама реакция государства на требования движения вызывала паралич последнего. По иронии, в 2004 году также произошел резкий рост протестных настроений, подобный тому, что имел место еще в начале 2000х. И вновь на поверхность вышел неформальный мир политики, поскольку формальные ответы на старые требования не смогли удовлетворить всех протестующих.

Рост локальных протестов, лидерами которых стали бедняки, находившиеся за пределами каких-либо политических структур, начиная с 2004 года приобрел настолько серьезные масштабы, что социолог Петер Александр назвал его «восстанием бедняков». Мейнстримные СМИ называли происходившее «протестами против сервиса», термин, постепенно вошедший в обиход. Хотя некачественное предоставление услуг (в том числе базовых услуг) и инфраструктуры практически всегда является первопричиной подобных протестов, в качестве катализаторов выхода на улицу выступают коррумпированные чиновники, неэффективное управление имуществом, а также низкое качество коммуникации муниципалитета и жителей. К 2012 году проходила как минимум одна акция протеста в день!

Во многих случаях протесты возникают лишь тогда, когда жильцы, действовавшие по официальным каналам, не могут добиться ответа от муниципалитета. В своей книге «Дым, который зовет» (The Smoke That Calls), опубликованной в 2011 году и представляющей собой сборник кейс-стади, Карл фон Хольдт и коллектив авторов утверждают, что иногда выход на улицу, поджог имущества или сжигание шин на бар-

рикадах – единственный способ, которым протестующим удастся привлечь к себе внимание властей. Участвовавшее использование таких методов привело к тому, что СМИ все чаще используют формулировку «агрессивные протесты предоставления услуг». В то же время действия полиции становятся все более агрессивными. С 2009 года от рук полиции, по сообщениям в газетах, погибли как минимум 43 демонстранта.

Сегодня протесты все чаще связаны с различиями в локальных структурах партии «Африканский национальный конгресс» и близких ей организациях. Нередко члены партии самоорганизуются для борьбы со своими же избранными членами в муниципалитетах. Иногда это случается после проигранной внутрипартийной борьбы. Иногда в результате протеста против разнообразных форм государственного патронажа и доступа к каналам самообогащения (через тендеры, доступ к работе и финансированию). По мере развития раскола в партии, будет все интереснее наблюдать, каким образом новые политические акторы, такие как Борцы за экономическую свободу (Economic Freedom Fighters, EFF) и Объединенный фронт (United Front), основанный Национальным союзом металлостроителей вместе с другими сообществами и организациями гражданского общества, будут относиться к локальной борьбе бедных слоев населения.

Хотя политические игроки фокусируют внимание на сфере формальной политики (партии и парламент), неформальная сфера продолжает проявляться в качестве площадки споров на локальном уровне. Именно здесь лежит потенциал альтернативных форм деятельности и производства. Многое, однако, зависит от коллективного потенциала и желания видеть политику иначе. ■

Корреспонденцию направляйте Пришани Найду по адресу <Prishani.Naidoo@wits.ac.za>

> Замбия: выселение без общественного протеста

Сингумбе Муйеба, Кейптаунский университет, ЮАР

Пока выселенные жители обсуждают дальнейшие действия, ребенок стоит на развалинах одного из домов, разрушенных во время операции по выселению в районе Чиника в Лусаке, которую проводили Национальные служебные войска Замбии.

В апреле 2013 года полицейские на 15 броневиках штурмом взяли участок 10144 на западе Лусаки. Ничего не подозревающие жители проснулись среди ночи и осознали, что их выселяют. Они не могли сопротивляться, ведь полиция, уничтожившая 33 дома, угрожала им оружием. 365 человек, многие из которых жили на участке уже два десятка лет, остались без дома. Некоторые выселенные сами служили в полиции на младших должностях. Предупреждения о выселении жиль-

цам не поступало. После выселения полицейская администрация забрала землю себе. Это было далеко не единственное выселение в тот месяц. Ни на одном не присутствовали ни представители городской администрации, ни судебные приставы. Возмущенные жители объединились и 15 мая устроили шествие к офису вице-президента. Шествие, однако, было остановлено и разогнано вооруженной полицией. У организаторов не было разрешения на проведение демонстрации, необходимое в соответствии с Законом об обще-

ственном порядке. Выселенцам было не к кому обратиться – только к самим себе. Почему же эта искра не была достаточной, чтобы разжечь пламя движения, чтобы предотвратить дальнейшие выселения? Почему уже существующим движениям не удалось защитить выселенцев? В этом эссе я постараюсь найти ответы на эти вопросы.

Случай Западной Лусаки – лишь один из множества. Выселения, затронувшие сотни домохозяйств, уже имели место и не сопровождались

>>

организацией какого-либо вдохновляющего коллективного действия. Только в 2014 году такое случилось в Лусаке несколько раз: 14 домов были снесены 25 июля в Каньяме, 100 домов – в Чинике 3 октября, а 18 ноября армия силой выселила жителей деревни в Бараках Миканго. Политика сноса зданий, нелегально построенных на государственных и частных землях, уходит корнями в 2007 год, когда власти выпустили соответствующее распоряжение. С момента прихода к власти в 2011 году правительство Патриотического фронта уничтожает нелегальные поселения и сквоты – поселения, которые приобрели этот статус из-за политики прошлых лет. В процессе сноса не соблюдаются правовые нормы, и в некоторых случаях выселение сопровождалось жертвами. Это только повысило уровень недовольства в обществе.

Казалось бы, такие условия представляют собой плодородную землю для социальной мобилизации: 70% городского населения проживает в трущобах, а это значит, что число протестующих вполне могло бы достичь критической массы. В стране есть хорошо документированная история протеста и коллективного действия.

Чем же объясняется это отсутствие протеста? Во-первых, это затяжная история давления со стороны политических элит, начавшаяся со времени принятия Закона об общественном порядке 1955 года. Британским колониальным властям этот Закон был необходим для подавления деятельности национально-освободительного движения в Замбии. Последующие президенты не сделали ничего для его отмены. Закон обязывает протестующих получать разрешение на демонстрацию в полиции и Министерстве внутренних дел. Однако, в нем не прописаны четкие условия, выполнение которых гарантировало бы выдачу разрешения. Более того, разрешения выдаются за неделю до проведения акции. Если требования выходят за границы того, что власти считают

приемлемым и легальным, разрешение не выдается – что случалось нередко. Помимо этого, Закон не признает де факто права владения и пользования, поэтому выселенцы из нелегальных поселений не имеют легального основания для протестов несмотря на то, что в течение многих лет жили на этой земле.

Не только реакционный характер политической элиты, но и страх перед последствиями неразрешенных демонстраций приводят к отсутствию протестов. Нарушение Закона об общественном порядке часто сопровождается насильственными действиями со стороны полиции, наводящими страх на потенциальных демонстрантов. Например, во время принудительного выселения в Кампасе в районе аэропорта 14 июня 2013 года два мужчины получили смертельные огнестрельные ранения, еще один был ранен. Мой информант из одного из отремонтированных сквотов, Джордж, выразил тревогу по поводу недавних выселений и рассказал о том, что вместе с соратниками он размышляет о своем положении в нынешней ситуации, несмотря на то, что у них есть лицензии на проживание на занятой территории. На вопрос «а что вы будете делать, если власти решат вас выселить», он ответил, что им придется сдаться и найти другое место.

Ни правительство, ни гражданское общество не предоставляет должной защиты жертвам выселений в силу отсутствия необходимых финансовых ресурсов. Право на жилье не прописано в конституции, потому что, как утверждал президент Мванаса в 2008 году, в таком случае правительству пришлось бы выделять финансовые ресурсы для реализации этого права – финансы, которых, по его словам, у властей нет. Таким образом, правительство открытым текстом заявило об отказе на обязательств по выплате компенсаций выселенцев. К тому же снести нелегальные поселения намного легче, чем выделить средства на их ремонт.

Гражданское общество также страдает от нехватки средств, необходимых для защиты нелегальных поселенцев от выселения. Хотя существуют – и довольно активно действуют – такие организации, как Земельный альянс Замбии и Homeless International (через организацию Народный процесс по жилью и нищете в Замбии), которые, в принципе, должны заниматься борьбой с выселениями, в реальности этого не происходит. «Часто альянсу не удавалось мобилизовать сообщества или справиться с земельными проблемами, находящимися в сфере общественного интереса, по причине недостатка возможности или ресурсов для участия в судебных разбирательствах» (Zambia Land Alliance, 2014, <http://www.zla.org.zm/?p=9>). В 2010 году обвинения в коррупции привели к приостановке выплат некоммерческим организациям – как государственным, так и общественным – после чего многие проекты оставались замороженными в течение практически двух лет. Таким образом, эти организации способны только выпускать заявления и предостерегать власти о потенциале массовых протестов, но не подкрепляет слова никакими действиями.

В целом, два основных препятствия для роста движения против выселения в Лусаке, и для возникновения новых общественных движений в Замбии, заключаются, во-первых, в неприкрытой враждебности по отношению к любой форме протеста со стороны политической элиты и, во-вторых, в ограниченности финансовых ресурсов, доступных правительству и гражданскому обществу для решения этих проблем. Когда людей выселяют, они не видят вокруг никакой возможности для восстановления справедливости, и коллективные протесты становятся бессмысленными. Только изменения Закона об общественном порядке и экономический рост могут создать условия, в которых возникнут движения против выселения. ■

Корреспонденцию направляйте Сингумбе Муйебе по адресу <singumbe.muyeba@uct.ac.za>

> Фаблабы и хакерспейсы: становление новой культуры

Изабель Берреби-Хоффманн, Мари-Кристин Бюро, Мишель Лалльмэн, Междисциплинарная лаборатория экономической социологии Национального центра научных исследований (LISE-CNRS), Консерватория искусств и ремесел, Париж, Франция

Типичный хакерспейс.
Фото Мишеля Лалльмэна.

Новые формы обмена, совместного производства и потребления ставят вопросы перед нынешней экономикой. В контексте, при котором благосостояние основано скорее на доступе и праве пользования, чем на собственности, особое место занимают фаблабы и хакерспейсы. Это коллективные производственные пространства, появившиеся в середине 2000-х и формирующие новую трудовую этику – культуру создающих (maker culture). Разбросанные по всему миру, такие пространства носят разные

>>

названия: фаблабы (fabrication laboratories – производственные лаборатории), хакерспейсы, креативные пространства (makerspaces), живые лаборатории (living labs), техномастерские и др. Они создают возможности заново открыть для себя удовольствие комбинировать разные объекты, удовольствие писать программы или придумывать новые стили в одежде и кулинарии. Крупные мегаполисы всего мира приветствуют эти новые пространства, продвигающие новые пути производства, сотрудничества, потребления и обучения.

Часто центром внимания в этих местах оказывается 3D-принтер, так как он позволяет произвести на свет любой объект по чертежам из интернета. Результаты печати пока еще скромные, однако, прогресс впечатляет. Большинство таких цехов-лабораторий оснащено таким профессиональным оборудованием, как станки с ЧПУ (числовым программным управлением) – резак, лазерные резак, принтеры для шелкографии. Всего несколько лет назад потребовались бы месяцы обучения, чтобы успешно изготовить прототип на одной из этих машин. Сегодня обучение корректной работе со станком занимает всего несколько часов. Кроме того, значительно снизилась стоимость станков и дизайнерского ПО. Таким образом, если наши персональные компьютеры помогают ориентироваться в мире технологий, то Персональные Фабрикаторы могут позволить любому вступить в контакт с миром физическим.

Производственные лаборатории Барселоны, Берлина, Сан-Франциско, Парижа и Пекина, даже разделяя общие ценности, отличаются друг от друга. Фаблабы были основаны в Массачусетском институте технологий в начале 2000-х и сформировали международную сеть. Истоки их – в Калифорнии, где в начале 1970-х располагался компьютерный клуб Homebrew – инкубатор, собиравший любителей исследовать и изобретать информационные технологии. Некоторые инноваторы делились своими открытиями бесплатно, другие, например, Стив Джобс и Билл Гейтс, выбрали более традиционный капиталистический путь. Пропитанные духом хакерства, хакерспейсы не отличаются от фаблабов с точки зрения организации. Хотя в хакерспейсах практикуется программирование на более продвинутом уровне, они также оснащены материалами для производства и изобретательства, позволяющими людям играть с разными объектами и создавать нечто совершенно новое. Более того, открытый общественный доступ – важный принцип как для хакерспейсов, так и для фаблабов. Также важно, что эти пространства стремятся стать не только местами инноваций и производства, но также и местами коллективного обучения и обмена знаниями.

Производственные лаборатории отчасти привязаны к территориям, где они расположены. Они работают в рамках сетей, очерчивающих контуры новых производственных экосистем. Некоторые наблюдатели считают их началом новой промышленной революции или авангардом цивилизованного выхода из капитализма. Однако не обязательно заходить так далеко, чтобы понять, что нужно воспринимать эти новые миры всерьез. Эти пространства нагружены многочисленными инновациями на техническом, политическом, организационном уровнях. Возможно, они находятся на краю доминирующей экономики, однако их растущий успех указывает на социокультурные сдвиги в процессах работы, проектирования, производства, принятия решений и активных действий.

Социологи, которые начали изучать эти новые места производства, свидетельствуют, что несмотря на гетерогенность этих пространств, у них есть общий принцип организации, который зародился в сообществах разработчиков ПО и хакеров. Основанная несколько десятилетий назад культура, вышедшая из мира свободного продукта и открытого кода, ввела в употребление новые способы работы и сотрудничества, основанные на эгалитарных и горизонтальных сетях. Также были разработаны новые способы обмена товарами и услугами, например, лицензия «Копилефт»¹. Движение *созидающих* (maker movement), включающее в себя производственные лаборатории, также черпает вдохновение в традиции, критически относящейся к индустриальному обществу – в мире дизайна ей положил начало Уильям Моррис.

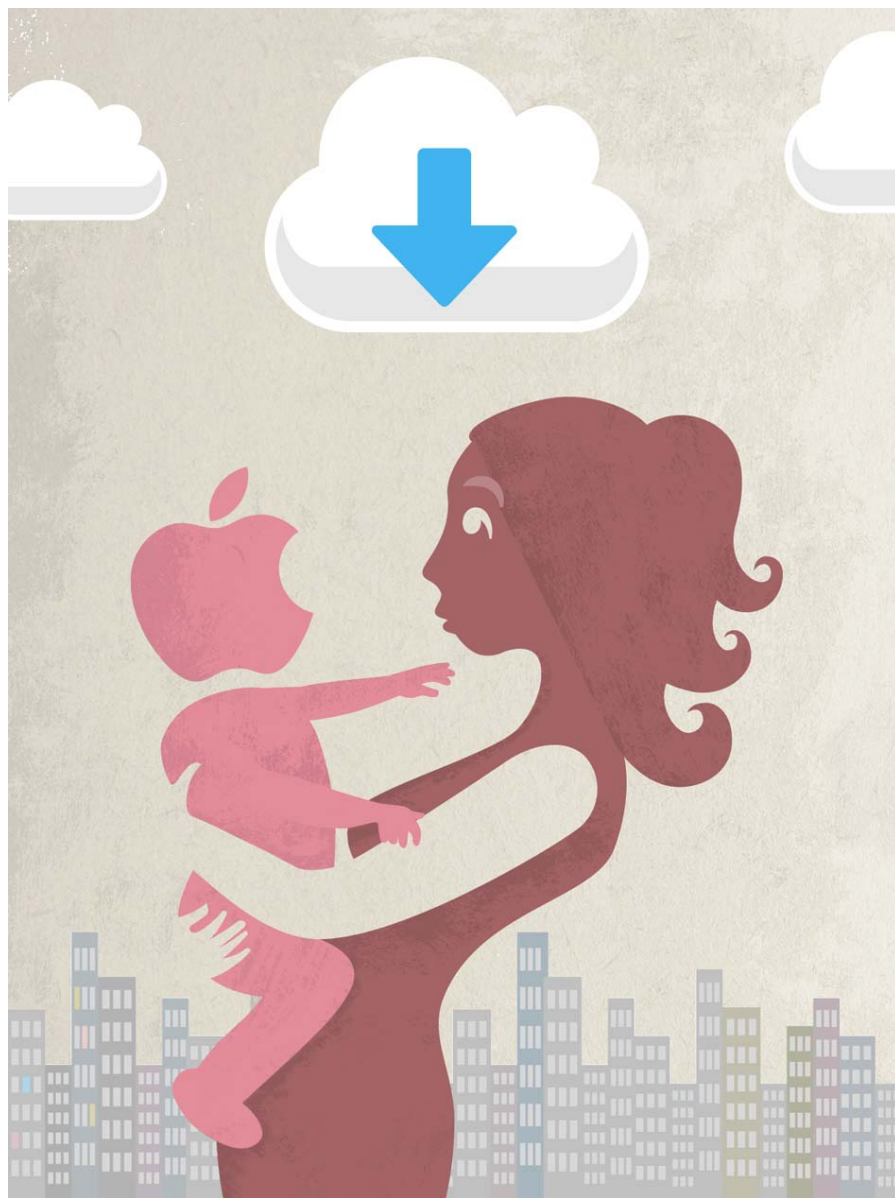
Недавнее исследование хакерспейсов, проведенное нами в северной Калифорнии, показало, что эти альтернативные миры созидателей в основном населены молодыми белыми образованными тридцатилетними, разочарованными в академической жизни профессионалами. В этих пространствах часто появляются как инженеры Google, так и бездомные технари. Хакерспейсы имеют одну цель – хакерство, то есть инновации при помощи компьютеров, физических объектов и даже общества в целом. Некоторые созидатели активно участвуют в инновационных процессах Силиконовой долины, а те из них, кто настроен более радикально, вкладывают свою энергию в помощь тем, кто подвергает критике установленные порядки, например, движению Оссиру. Во времена общего структурного кризиса имеет смысл изучить эти альтернативные пространства – настоящие утопии, где изобретаются новые способы работы, принятия решений, потребления и сосуществования. ■

Корреспонденцию направлять Мишелю Лаллемэну <michel.lallement@cnam.fr>

¹ Berrebi-Hoffmann I., Bureau M.-C., Lallement M. (eds.), *Recherches sociologiques et anthropologiques*, special issues "Tiers lieux de fabrication et culture collaborative. De nouveaux mondes de production sont-ils en train d'émerger?" (forthcoming).

> Стремление к гендерному равенству в «мультиактивном» обществе

Бернар Фюзюлье, Национальный фонд научных исследований (FNRS), Лувенский университет, Бельгия, и **Шанталь Николь-Дранкур**, Междисциплинарная лаборатория экономической социологии Национального Центра научных исследований (CNRS-LISE), Консерватория искусств и ремесел, Париж, Франция

Сомнительная гендерная политика на рабочих местах. Иллюстрация Арбу.

Спад рождаемости, снижение уровня занятости среди матерей, отказ женщин от материнства все чаще считаются основными рисками, связанными с демографической ситуацией и уровнем социального благосостояния в «развитых» странах. Несмотря на то, что финансовый и бюджетный кризис последних несколь-

ких лет повлиял на все социальные контракты, они особенно опасны для динамики гендерного равенства и ухудшают условия баланса между работой и семьей.

Законодатели на всех уровнях сообщают о растущем осознании того, что женщины играют ключе-

вую роль в формировании социальной сплоченности. Признается вклад женщин как в рынок труда, так и в домашнюю жизнь – двойная вовлеченность, особенно ценная в трудные времена, способна быть противовесом институциональной неполноценности и институционального дисбаланса, и при этом обеспечивать социально-экономическое развитие.

В современном глобальном обществе большинство людей надеются заботиться о детях и других зависимых людях, одновременно строя профессиональные карьеры. Они надеются выполнять двойные обязательства, при этом не подвергая сомнению существующее половое разделение труда и ассоциированной с этим репродуктивной активности, сегодня, как и всегда, предполагающее, что женщины берут на себя основную ответственность за домашние дела. Следовательно, почти все страны сейчас согласны помогать родителям достичь обеих целей и понимают, что баланс между работой и семьей является важнейшей проблемой индивидов и общества.

На первый взгляд общественные суждения кажутся гендерно нейтральными: смысл в том, чтобы позволить всем работать ради дохода. Во всех странах с сильными программами государства благосостояния (а также во всех странах, где эти программы находятся в разработке) мы видим беспрецедентное распространение со-

циальных политик, направленных на согласование рабочих и семейных обязанностей: от налоговых реформ и систем льгот до улучшенного менеджмента систем по уходу за ребенком, а также поощрение практик, направленных на улучшение баланса профессиональной и семейной жизни с точки зрения организации работы.

Однако во всех рассматриваемых странах происходят сдвиги в реализации политики. Несмотря на гендерно-нейтральную риторику, меры, изложенные в политических повестках дня (или внутри компаний), на практике теряют нейтральность. Родительские и семейные отпуска для всех становятся привилегированными способами поддержки работающих матерей; смысл сокращенного рабочего дня для всех теряется, так как поощряется частичная занятость у женщин; длительность декретного отпуска, который должен предоставляться обоим родителям, оценивается с точки зрения его влияние на благополучие детей и женщин и т. д. Другими словами, по сути эта политика направлена не на мужчин и не на родителей, а на женщин как фактических или потенциальных матерей. В октябре 2014 года, к примеру, Facebook и Apple откровенно признались в том, что предлагают своим сотрудницам, «борющимся с мужской конкуренцией и рынком труда, где конкуренция только обостряется», возможность заморозить свои яйцеклетки, чтобы они могли задуматься о деторождении, когда сложится их карьера.

Отчасти в этой проблеме отражается противостояние меняющимся семейным паттернам – изменениям, которые происходят, несмотря на меры поддержки работающих родителей. Более того, поддержание

занятости матерей, когда реально большинство матерей работают «в две смены» – на работе и в семье, – становится настоящей политической проблемой. Здесь возникают вопросы о том, имеет ли смысл требовать от женщин, чтобы они считали «внепроизводственный» труд главным приоритетом – возможно ли это для них психически и физически – и как относятся эти практики к социальной справедливости.

Битва за примирение профессиональной и семейной жизни еще далеко не выиграна. Мы начинаем с общих вопросов (как помочь родителям найти баланс между работой и семейной жизнью), но предлагаем лишь частичные решения (ожидая, что матери будут получать доход без изменений в половом разделении труда).

Для продвижения в решении этой проблемы мобилизация должна начинаться с критики и реконструкции организационных и институциональных основ обществ наемного труда XIX века и государств благосостояния XX века. Мы должны поставить под вопрос устоявшиеся социальные соглашения и деконструировать естественность практик, следующих из этих соглашений. Мы должны поставить под вопрос социальные контракты, связанные с гендерными отношениями, – идею общества, сосредоточенного на производстве, допущение атомизированной фигуры работника производства, которого поддерживает заботящийся, модель мужчины-кормильца семьи, андроцентрический пакт солидарности. Мы должны деконструировать социальное разделение производственных и репродуктивных активностей, а также гендерное распределение ответственности за их выполнение.

Если мы серьезно отнесемся к сформулированным выше задачам, мы сможем начать размышлять об альтернативном обществе, взяв за отправную точку новую систему координат, в которой общественно-полезная деятельность вне рамок занятости не считается второстепенной. Мы можем начать трансформировать общество наемного труда в «мультиактивное общество». Оплачиваемый труд будет переосмыслен в соотношении с другими видами деятельности, достойными поддержки с точки зрения социальных инвестиций. При этом ни одна из этих активностей не будет гегемонной, или считаться предназначенной исключительно для мужчин/исключительно для женщин. Отсутствие активности или работы будет редкостью, а проблема баланса работы и семьи перестанет быть бременем, в основном ложащимся на плечи женщин.

Такая трансформация требует постепенного конструирования нового режима активной деятельности, где «активный» статус больше не будет определяться в терминах ограниченного понятия трудоустройства, но скорее будет основываться на более комплексном понятии работы, включающем в себя заботу и гражданскую активность. С этих позиций общество больше не будет фокусироваться на оплачиваемой работе или игнорировать вне рыночные формы труда; вместо этого мы будем двигаться к более широкому понятию работы, подчеркивая и признавая важность всех видов деятельности, вносящих вклад в общее благосостояние и способствующих благополучию. ■

Корреспонденцию направлять Бернару Фюзюлье
<bernard.fusulier@uclouvain.be>
и Шанталь Николь-Дранкур <drancourtchantal@hotmail.com>

> Преодоление хронической болезни на работе

Анн-Мари Вазер, Доминик Луилье, Фредерик Брюжей, Пьер Ленель, Гийом Юэз, Жоэль Мезза, Кати Эрман, Консерватория искусств и ремёсел, Париж, Франция

Сохранение занятости трудоспособного населения во Франции является предметом беспокойства по двум причинам: трудоспособное население стареет, и все большему его проценту врачи диагностируют хронические заболевания, в особенности рак. Широкое распространение программы выявления заболеваний привели к увеличению ежегодного количества диагнозов, а медицинские исследования, технологии раннего выявления и улучшенные схемы лечения с минимумом побочных эффектов превратили некоторые заболевания, ранее считавшиеся смертельными, в хронические недуги. Хронические заболевания есть почти у 15 миллионов молодых французов, составляющих примерно 20% трудоспособного населения.

Пациентские организации стремятся усилить поддержку людей с ограниченными возможностями или длительное время живущих с болезнью. Однако исследовательские структуры, изучающие некоторые заболевания (среди прочих – гепатита, ВИЧ, рака, множественного склероза, диабета), недавно начали заказывать количественные социальные исследования. В частности, они заинтересованы в том, чтобы больше узнать о людях, которые продолжают работать после отпуска по болезни, а также о том, как организована их работа. В рамках этого контекста мы разработали проект на основе методологии акционистского исследования, позволяющий психологам и социологам а) понять условия, при которых человек с диагнозом возвращается к работе и остается на рабо-

чем месте; б) предложить рекомендации для содействия трудоустройству этих людей.

Этот исследовательский проект проводился в трех крупных французских фирмах. В течение двух с половиной лет мы изучали группы людей, у которых были диагностированы определенные болезни и которые изъявили желание продолжать работу или иную деятельность, оплачиваемую или неоплачиваемую (заботу, обучение, волонтерскую работу и т. д.). Для того, чтоб изучить их социальные условия, мы анализировали три иерархических уровня: а) практики кадрового менеджмента, связанные со здоровьем на рабочем месте и социальными проблемами; б) посредников, имевших отношение к отдельным случаям отпуска по болезни, хронической усталости, временной или постоянной нетрудоспособности; в) работников, после получения диагноза вернувшихся к работе, и их коллег. Мы проанализировали все социальные условия, которые эти люди сочли важными для объяснения того, как болезнь влияет на работу, семейную жизнь, социальную среду и сообщество и др. Более конкретно, мы спрашивали о препятствиях, с которыми сталкивались респонденты, о ресурсах, используемых ими для преодоления этих препятствий, и условиях, при которых могут быть использованы эти ресурсы.

Наше исследование не ограничивается работниками, заявившими о своей болезни или инвалидности. Мы пытались сравнить ресурсы, доступные работникам, не

“Только 2,5 миллиона человек оформляют инвалидность, в то время как примерно 9,9 миллионов имеют возможность это сделать”

объявлявшими о своей болезни сотрудникам или начальству, с ресурсами тех, кто получал компенсацию по инвалидности. Для того, чтобы стать получателем социальных льгот по инвалидности, последние оформляли инвалидность (сертификат), предполагающую определенную сумму компенсации. Важно заметить, что большинство работников во Франции с хроническими заболеваниями или инвалидностью не подают заявление на льготы. Действительно, только 2,5 миллиона человек оформляют инвалидность (получают сертификат о хроническом заболевании), в то время как примерно 9,9 миллионов не делают этого. Мы стремились понять последствия публичного объявления о своей болезни, а также причины, по которым большинство воздерживаются от этого.

Результаты исследования показали, что компенсации за сертифицированное заболевание или инвалидность могут стать стигмой или восприниматься как несправедливость. Эти компенсации выдаются междисциплинарными экспертными комиссиями. Часто это постоянная сумма, в то время как болезнь в зависимости от фазы может требовать больших или меньших затрат. Получение компенсаций по сертификату о хроническом заболевании часто встречают непонимание в рабочей среде, так как сотрудники и начальство, по большей части, исключаются из процесса принятия решений по поводу типа, варианта и длительности компенсации. Есть и другое препятствие для внедрения этих мер компенсации: отделы кадров или медицинские службы навязывают их сверху, будучи лишь отчасти в курсе реальных условий работы. Следовательно, эти меры часто идут вразрез с неформальными договоренностями между работниками, выработанными в согласовании с руководством и, вероятно, более гибкими. Все проанализированные нами локальные договоренности, основанные на реципрокности, создают меньше напряжения на рабочем

месте, чем распоряжения, отданные без предварительных переговоров. Более того, случаи реципрокности, которые мы наблюдали, включали в себя как индивидуальную, так и коллективную активность. В целом, локальные договоренности формировались с учетом конкретных контекстов.

Наше исследование показало, что успешные компенсации, т.е. такие, которые воспринимаются социальными акторами как справедливые и с лихвой покрывают отпуск по болезни, характеризуются следующими чертами. Они представляют собой гибриды юридических мер и локальных договоренностей; их артикулируют те, кто сталкивается с трудностями на рабочем месте; условия компенсации вырабатываются совместными усилиями. Наши информанты высказывались в поддержку компенсации любой болезни для любого работника. Они сомневались в экспертных сертификатах, предоставляющих некоторые права, но воспринимаемых как средство получения преимущества от болезни. В целом, деятельность внутри фирм была направлена на создание локальных условий реципрокности между предоставляющими помощь и получающими ее – условий, которые выходят за рамки обычных правил солидарности, благотворительности, взаимопомощи и компенсации инвалидности. Мы обнаружили, что пациентские организации предоставляют своим участникам реальные возможности для трансформации условий работы. В конце концов, такие договоренности позволяют индивидам переосмыслить, что представляет собой хроническое заболевание в конкретном жизненном опыте, помогают восстановить свою идентичность и вписать индивидуальные ситуации в область коллективных прав. ■

Корреспонденцию направлять Анн-Мари Вазер по адресу <anne-marie.waser@cnam.fr>

> Прославляя демократию в Индонезии

Люсия Ратих Кусумадеви, Университет Индонезии, Депок, Индонезия, Член ИК МСА по социологии религии (ИК 22) и социальным классам и общественным движениям (ИК 47)

Сторонники президентской команды Джоко Видодо и Юсуф Камала организуют свою кампанию в Джакарте.

“Приветствую! Два пальца! Не забудьте проголосовать за Джокови!» Сланк, известная индонезийская рок-группа, выступила с концертом во время президентской предвыборной кампании в поддержку кандидата Джокови и его коллеги, кандидата в вице-президенты Юсуфа Каллы, 5 июля 2014 года. К ним присоединились десятки тысяч человек, поддерживающих Джокови: молодых и старых, мужчин и женщин, бедных и богатых. Все они радостно подпевали на бесплатном концерте. Через несколько секунд человек, которого они так ждали, появился на сцене

и поприветствовал своих сторонников. Атмосфера накалилась: толпы людей, собравшихся на многотысячном стадионе, скандировали «Джокови! Джокови!», поднимая в воздух два пальца.

В этом году выборы в Индонезии впервые превратились в «настоящий праздник народной демократии». Несметное число людей с невероятным энтузиазмом принимали участие в предвыборной кампании. Их деятельность простиралась от планирования событий до фандрайзинга (было собрано пожертвований на 295

>>

миллиардов рупий). В день выборов, после активной политической кампании, критикующей денежную политику, которая ранее считалась нормальной практикой, люди вместе осуществляли мониторинг выборов, чтобы не допустить нарушений.

Вот лицо молодой индонезийской демократии: произошли огромные изменения, переход от демократии, основанной на грязной политике и действиях жадных до власти политиков, которые нередко прибегали к недобросовестным практикам, к радикальным демократическим реформам, цель которых заключалась в построении более цивилизованной и гуманистической демократии. В течение недавних выборов в Индонезии политическая мобилизация, основанная на транзакциях, часто практикуемая элитами политических партий, потеряла популярность и, кажется, находится на грани исчезновения. Вместо нее мы наблюдаем рождение новой политической культуры, основанной на добровольном участии.

Что вызвало эти изменения? Немногие наблюдатели могли предсказать такой поворот, который произошел настолько внезапно, особенно после долгой истории «грязной политики» в стране. Несомненно «Эффект Джокови» стал одним из важных факторов в запуске этого процесса, но катализаторами стали особые обстоятельства. В определенный момент, кажется, вселенная сказала «время пришло» - время, когда мольбы об изменениях наконец были услышаны, а фрустрация и отвращение по поводу непрекращающегося хаоса, коррупции и политической олигархии достигли пиковой точки.

Джоко Видодо, известный как Джокови, приобрел популярность за последние два года. Предприниматель, начавший политическую карьеру в 2005 году на посту мэра Соло, одного из крупнейших городов в центральной Яве, Джокови известен как честный и работающий человек, происходящий из скромной семьи. Его любят за гуманистический подход при реализации политических решений, за избавление муниципалитета, в котором он работал, от коррупции, и за активную работу по превращению города Соло в центр туризма и культуры. В 2013 году Фонд городских мэров назвал Джокови третьим лучшим мэром города в мире, а в 2014 году имя Джокови появилось в статье «50 лучших мировых лидеров» журнала Fortune.

Успех Джокови в Соло стал началом его успешной политической карьеры. В 2012 году Джокови, поддерживаемый Демократической партией борьбы, главной оппозиционной партией Индонезии, был избран губернатором Джакарты, столицы Индонезии. Вместе с заместителем губернатора Тьяхей Басуки Пурнамом (Ахоком), также известным своей порядочностью, Джокови запустил несколько новых программ, направленных на решение

проблем, которые раньше не считались серьезными в этом стремительно растущем городе - в том числе программы по контролю наводнений и борьбе с автомобильными пробками. Помимо контроля рек и улучшения системы общественного транспорта, Джокови и Ахок провели реформу систем городского планирования, здравоохранения и образования.

Затем Демократическая партия борьбы выдвинула Джокови в качестве кандидата в президенты. Его поставили в пару с Юсуфом Калла, опытным политиком из партии Голкар, бывшим вице-президентом. Представление Джокови о будущем Индонезии звучит как предложение о начале «Ментальной революции»: Джокови пригласил народ Индонезии помочь ему в проведении реформ. Борьба с коррупцией, прозрачность, взаимопомощь, креативность, независимость и уважение к инакомыслию - вот некоторые из фундаментальных ценностей, на которых должна строиться Ментальная революция.

Как только Джокови и Юсуф Калла официально сформировали команду, опросы общественного мнения показали стабильно растущую поддержку этого союза, особенно со стороны демократически настроенных активистов, ученых, музыкантов, художников, молодежи, студентов, бизнесменов, народных масс. Сторонники становились волонтерами и проводили агитацию бесплатно. Некоторые даже тратили деньги из своего кармана. При этом политические оппоненты - Прабово и Хатта - в основном пользовались поддержкой групп, жадных до власти и денег, реакционеров и коррумпированных политиков.

22 июня 2014 года центральная избирательная комиссия, наконец, объявила о победе Джокови и Каллы, за которых проголосовали 53,1% избирателей. Оппоненты, Прабово и Хатта, получили 47,8% голосов и были объявлены проигравшими. Многие аналитики описывают исход выборов как «народную победу», отмечая, что победа Джокови не связана напрямую с поддержкой со стороны политических партий. Сторонники победителей в основном были беспартийными: большинство не были аффилированы ни с одной партией, многие и вовсе не принимали участия в иных политических предвыборных кампаниях.

Сегодня в нас теплится новая надежда на здоровую демократию и политику достоинства, которые будут служить благу индонезийцев. Новая культура добровольного участия, проявившаяся в последних выборах, может оказаться зачатком более широких демократических реформ и положить первый камень в фундамент социальной трансформации в Индонезии. ■

Корреспонденцию направлять Люсии Кусумадеви <lucia.ratih@ui.ac.id>

> Корпоративизация индонезийского высшего образования

Каманто Сунарто, Университет Индонезии, Депок, Индонезия, член ИК МСА по Социологии образования (ИК 4) и Истории социологии (ИК 08)

Студенты Джакарты протестуют против неолиберального регулирования образования.

После того, как индонезийское движение за реформы привело к концу тридцати двухлетнее правление военных в 1998 году, государство приступило к проведению скандальных реформ системы образования. В 2003 году был учрежден Конституционный суд, что предоставило обществу новую площадку для того, чтобы

бросить вызов законам, которые оно считает неконституционными. За последние десять лет представители образовательных учреждений, студенты и гражданское общество подавали иски по поводу нового образовательного законодательства.

В 1999 году правительство выпустило новое предписание, позволившее

>>

корпоративизировать ряд государственных учреждений высшего образования. Среди причин, послуживших поводом для изменений, называют стремление добиться большей конкурентоспособности национального образования перед вызовом глобализации. Впоследствии, между 2000 и 2010 годами правительство подвергло корпоративизации 6 государственных университетов и два государственных института.

Корпоративизация государственных университетов и институтов вызвала бурную реакцию со стороны общества, особенно родителей и студентов. В прошлом, стоимость обучения в университетах строго контролировалась правительством. По мере того как учреждения высшего образования продолжали рост, государственное финансирование становилось недостаточным для финансирования, и плата за обучение стала превращаться в важнейший источник университетских доходов. Периодическое повышение стоимости обучения превратилось в стандартную практику.

Студенты, обучающиеся в учреждениях высшего образования, и ранее протестовали против повышения стоимости обучения на своих кампусах – например, устраивая демонстрации в кампусах и на улицах городов, подписывая петиции, организовывая публичные дебаты, выступая с критическими заявлениями в СМИ, а в последнее время все чаще в социальных сетях онлайн. Многие студенты выступали против корпоративизации высшего образования, боясь, что цены на обучение вырастут, а более общая коммерциализация образования не позволит получать образование менее обеспеченным абитуриентам. По большей части, однако, такие протесты не приводили ни к какому результату: университетские власти твердо стояли на своем, зная, что они могут полагаться на поддержку властей.

В 2003 году государство выпустило новый закон, в соответствии с которым предлагалось корпоративизировать все образовательные учреждения – формальные и неформальные, частные и государственные – на всех уровнях, от дошкольного до дополнительного образования. Закон, корпоративизирующий все образовательные учреждения в стране был принят в 2009 году.

Эти два закона вызвали тревогу частных фондов, управлявших существующими образовательными учрежде-

ниями, поскольку степень их контроля значительно снизилась. В 2006 году 16 частных и негосударственных организаций обратились в суд с требованием осуществить судебную-правовую контроль закона 2003 года, в особенности статьи о корпоративизации. Запрос был отклонен, потому что на тот момент закон еще не вступил в силу.

Родители, студенты и организации гражданского общества начали запрашивать судебную-правовую экспертизу, потому что они были заинтересованы в сохранении бесплатного всеобщего государственного образования и в предотвращении дальнейшей корпоративизации высшего образования, которая, по их мнению, приведет в конечном итоге к коммерциализации образования. Они утверждали, что образование представляет собой общественное благо, и что покрытие стоимости обучения – обязанность государства. Они полагали, что каждая попытка переложить груз обязательств по оплате обучения на плечи общества является неконституционной.

В 2009 году частные и негосударственные организации – вместе со студентами, учителями, лекторами, родителями и учеными из разных регионов – направили в суд пять запросов о пересмотре законов 2003 и 2009 года. Их усилия увенчались успехом: суд изменил несколько статей из закона 2003 года и вообще отменил закон 2009 года.

В большинстве случаев эти требования отражали конкретные проблемы образования. Организации, занимающиеся администрированием учреждений, предоставляющих образовательные услуги, были заинтересованы в устойчивом развитии своих частных образовательных институтов. Они противились корпоративизации, потому что в этом случае они потеряли бы контроль над своими образовательными институтами и оказались бы в ситуации правовой неопределенности. После их запроса на пересмотр законов 2003 и 2009 гг., который был удовлетворен, их сопротивление корпоративизации образовательных учреждений сошло на нет.

После того как закон 2009 года был признан отменен, в 2012 году государство выпустило другой, вновь прописывающий базу для корпоративизации высшего образования. В 2013 году бакалавры юриспруденции из государственного университета запросили изменение шести статей закона. Однако, их запросы были отклонены.

Чего удалось добиться студентам, родителям, заинтересованным ученым и гражданскому обществу при помощи запросов на пересмотр законодательных норм? Хотя закон 2003 года был изменен, а закон 2009 и вообще отменен, их цели – бесплатное образование и отмена планов по корпоративизации высшего образования – не были реализованы. В целом решения суда означают, что:

1. Студенты в учреждениях высшего образования должны оплачивать стоимость обучения, которая контролируется правительством;
2. Государственные учреждения высшего образования обязаны резервировать 20% мест для успешных, но экономически непривилегированных студентов. При этом они совершенно не обязаны выделять больше 20% мест;
3. Государственные институты высшего образования могут опираться на разные системы приема студентов. В то время как суд объяснил эту меру необходимостью введения позитивной дискриминации, студенты считают, что она открывает дорогу коммерциализации образования;
4. Корпоративизация государственных учреждений высшего образования продолжается практически без сопротивления.

Студенты, родители и активисты гражданского общества исчерпали все опции достижения бесплатного государственного образования, потому что решения Конституционного суда нельзя пересмотреть. Их поражение деморализовало все движение. На настоящий момент инициативы по противостоянию коммерциализации высшего образования отсутствуют. Несмотря на это, студенты различных университетов все еще сопротивляются введению платы за обучение, несправедливой по отношению к выходцам из малообеспеченных семей, но борьба теперь происходит в основном в стенах образовательных учреждений, а не в суде против государства. ■

Корреспонденцию направлять Каманто Сунарто по адресу <kamantos@yahoo.com>

> Рабочие движения и политика рабочего класса в Индонезии

Хари Нугрохо, Университет Индонезии, Депок, Индонезия, член ИК МСА по рабочему движению (ИК 44) и социальным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям (ИК 48)

Демонстрация рабочих 1 мая в Джакарте с призывами к солидарности рабочего класса.

После долгого периода отсутствия на политической арене, рабочее движение в Индонезии, кажется, стоит на пороге нового политического активизма. В 2014 году ряд профсоюзных лидеров были избраны в парламент на окружном уровне. Это достижение является исторически значимым, поскольку рабочий класс Индонезии не был представлен в национальном и локальном парламенте в течение почти пятидесяти лет. Дебат о расширении повестки дня борьбы рабочих за пределы рабочего места на более широкую арену активно развивается, а в последнее десятилетие мы стали свидетелями

нескольких социальных и политических экспериментов. Теперь мы можем спросить: может ли рабочее движение в Индонезии изменить классовую политику?

Экономическая либерализация и демократизация, начавшиеся в 1998 году после падения авторитарного режима и продолжающиеся по сей день, породили новые трудности и новый паттерн индустриального конфликта. Государственный контроль был заменен рыночным. Мобильный и сильный капитал на состязательном международном рынке превращается в «нового оппонента», новую угрозу для развития профсоюзов. Солидарность новых профсоюзов уже подрывается излишней гибкостью рынка труда прежде чем они сумели вновь занять свои позиции после коллапса корпоративистского государства Сухарто. >>

Нынешние условия заставляют профсоюзы фокусироваться на борьбе со стимуляцией гибкости рынка труда. Традиционная повестка дня, включающая в себя повышение зарплат, свободу собраний, сопротивление сокращениям, также является частью этой новой повестки дня. Профсоюзы критикуют государство за политику либерализации в трудовой сфере, а компании – за поддержание прекарных условий труда (Juliawan, 2011). Профсоюзы ведут борьбу за более эффективную систему социального страхования, которая могла бы компенсировать риски на рынке труда, и все углубляющуюся уязвимость работников. Профсоюзное движение находится в самом эпицентре требований трансформации системы социального обеспечения, таким образом, формируя намного более обширный электорат среди тысяч членов профсоюзных.

Расширение электората рабочего движения – дело нелегкое, но необходимое, учитывая тот факт, что массовая общественная и политическая поддержка необходима для борьбы с агрессивным давлением рынка. Хотя многие профсоюзы остаются консервативными, ряд локальных организаций, аффилированных с прогрессивными общенациональными профсоюзами, действуют в соответствии с двумя наступательными стратегиями. Первая стратегия подразумевает, что профсоюз станет лидером, особенно в рамках рабочих сообществ, но также продолжит налаживать отношения с разнообразными группами, в том числе крестьянами и уличными торговцами. Вторая стратегия подразумевает участие в электоральной политике. Здесь цель заключается в борьбе за представительство в местных парламентах, открывающее путь к национальному представительству с целью оказания влияния на процесс выработки политических решений. Участие в электоральной политике также рассматривается как метод получения доступа к широкой социальной базе сторонников профсоюзного движения.

Паттерн индустриального конфликта и трансформация профсоюзов после распада режима Сухарто, возможно, стимулировали рост и укрепление рабочего движения, но успехи движения не являются гарантированными (Hadiz, 2001). Например, два лидера прогрессивного профсоюза в индустриальном регионе Бекаси около Джакарты провели успешную кампанию за получение мест в парламенте в 2014 году. Это был удачный эксперимент, поскольку они выиграли благодаря организованной поддержке воинственных участников. Вскоре после своей исторической победы лидеры национального профсоюза заняли спорную позицию во время президентских выборов 2014 года, поддержав кандидата в президенты, занимавшего государственные посты при авторитарном режиме Сухарто и поддержанного исламскими политическими партиями, не имеющими политических корней в рабочем классе. Вслед за этим случаем назрели животрепещущие вопросы об интересе национальных лидеров профсоюзов в классовой политике.

Тем временем большая часть других профсоюзных экспериментов по электоральной политике сошла на нет, так как не удалось заручиться достаточным количеством голосов даже в рамках рабочих сообществ. Многие из тех, кто получил места во власти в результате выборов, не использовали собственный профсоюз в качестве политической базы, а опирались на политические машины других партий. Вместо построения политики рабочего класса эти политики исходят их политики прагматики денег и соревнуются с влиятельными религиозными идеологиями.

Похожая ситуация очевидна и в попытках расширить базу рабочей поддержки при помощи движений, организованных на основе сообществ. Хотя некоторые профсоюзы и добились успеха в формировании широких сетей и обмене социального капитала на политическую поддержку, они все же сталкиваются с непростой задачей выработки единого стратегического интереса. Каждая группа в рамках сети склонна интересоваться проблемами, не выходящими за пределы собственного узкого поля зрения. Группы просто делятся поддержкой друг с другом без построения общего классового интереса даже среди рабочих. Подобным образом, успех по продвижению общенациональной системы социального страхования, связывающей рабочий класс с широкими словами населения, не может рассматриваться как успех классовой политики: он свидетельствует о формировании межклассовой коалиции, а не об удовлетворении интересов именно рабочего класса.

В то время как положительные эффекты, несомненно, присутствуют, развитие современного рабочего движения в Индонезии невозможно из-за уязвимости его социальной базы. Надо учитывать, что более молодое поколение – из которого, в основном состоит рабочая сила и которое является двигателем современного рабочего движения, никогда не жило при авторитарном режиме. Вместо этого, оно пережило долгую историю деполитизации (Caraway et al., 2014). Производственные конфликты, общественные движения, коллективное сознание, сконструированное благодаря этим процессам, не являются достаточными предпосылками для формирования стабильного и прочного классового политического движения. Более того, межклассовые интересы и другие идентичности (например, основанные на религии) составляют серьезную конкуренцию объединению рабочих. ■

Направляйте корреспонденцию Хари Нугрохо по адресу hari.nugroho@ui.ac.id

Литература

Caraway, T. L., Ford M., Nugroho H. (2014) "Translating membership into power at the ballot box? Trade union candidates and worker voting patterns in Indonesia's national elections," *Democratization*.

<http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2014.930130>

Hadiz, V. R. (2001) "New Organising Vehicles in Indonesia: Origins and Prospects," in Jane Hutchison and Andrew Brown (eds.) *Organising Labour in Globalising Asia*. London and New York: Routledge.

Juliawan, B. H. (2011) "Street-level Politics: Labour Protest in Post-authoritarian Indonesia," *Journal of Contemporary Asia*, 41(3): 349-370.

> Когда религия становится юридической идентичностью

Антониус Кахьяди, Университет Индонезии, Депок, Индонезия, член ИК МСА по социологии религии и Тематической группы по правам человека и всемирной справедливости (ТГ03)

Индонезийское удостоверение личности, требующее указывать религиозную принадлежность.

В конце эры Сухарто (1990-е) индонезийская публичная сфера отличалась религиозностью и расовой нетерпимостью. В то время жизнь немусульманина или китайца в Индонезии, то есть человека, воспринимаемого как «ненастоящий индонец» была непростой. Эти проблемы были подняты во время беспорядков 1998 года, вызвавших «Реформацию», которая в конце концов разрушила режим Нового порядка Сухарто.

В конце эры Сухарто (1990-е) индонезийская публичная сфера отличалась религиозностью и расовой нетерпимостью. В то время жизнь немусульманина или китайца в Индонезии, то есть человека, воспринимаемого как «ненастоящий индонец» была непростой. Эти проблемы были подняты во время беспорядков 1998 года, вызвавших «Реформацию», которая в конце концов разрушила режим Нового порядка Сухарто.

Расовая дискриминация по отношению к индонезийским китайцам – закреплённая государственной политикой в 1967 году, когда к власти пришел Сухарто – была запрещена в 2000 году Абдурахманом Вахидом, четвер-

тым президентом Индонезии. Конфуцианство, считающееся традиционной религией индонезийских китайцев, было признано одной из официальных религий в 2006 году. В то время как за последнее десятилетие расистские настроения удалось несколько нейтрализовать, действие религиозных предрассудков остается по-прежнему сильным. Эта проблема стала настолько болезненной, что люди избегают какого-либо упоминания религии в рациональном и критическом публичном дискурсе. Политика превратила религию в нечто неприкосновенное.

Религия использовалась в политике на протяжении всей индонезийской истории. Тенденция достигла своего пика в период бюрократизации религиозной юридической идентичности в 1970-е гг. В эпоху Голландской Ост-Индии (с начала 19-го века до 1942 года) религия, в особенности ислам, считалась политической угрозой, потому что была способна мобилизовать население на сопротивление. Голландское колониальное правительство допускало развитие «религиозного ислама», но подавляло ислам как политическую идентичность. Аналогичные политические меры использовались для подавления политической деятельности других религиозных групп. Различные выражения религиозной принадлежности не рассматри-

>>

вались как нечто не подходящее для демонстрирования за пределами приватной сферы.

В период японского колониализма (1942-1945) ислам превратился в военную стратегию. Японцы мобилизовали антиголландские настроения индонезийского мусульманского большинства, создав особый отдел государственной администрации для контроля исламского движения. В независимой Индонезии он трансформировался в Министерство религиозных дел.

На протяжении периода ранней независимости Индонезии (1945-1949) группы, идентифицирующие себя как часть более широкого исламского движения, заявили, что они внесли огромный вклад в получение страной независимости, и на этом основании потребовали ее превращения в исламское государство. Им оппонировали светские националистические группы, состоявшие как из мусульман, так и из немусульман, и настоявшие на том, что Индонезия должна быть государством для всех религий.

Компромисс, достигнутый этими двумя группами, был закреплен в Конституции 1945 года (статья 29). Индонезия не стала светским государством, потому что основывалась на вере во всемогущего бога. В Конституция, однако, не уточнялось, о какой религиозной конфессии идет речь. Более того, новое государство гарантировало свободу вероисповедания. Однако компромисс также подразумевал формирование Министерства религиозных дел – по требованию мусульман.

В период «управляемой демократии» Сукарно (1959-1965) произошла поляризация между религиозными и нерелигиозными группами, сопровождаемая ростом напряженности между религиозными группами (мусульманами и католиками) с одной стороны и коммунистами с другой. Националистическая фракция Сукарно, склонявшаяся к социализму, старалась сохранять нейтралитет в религиозных вопросах. Чтобы заставить религиозные группы почувствовать себя защищенными от нападок атеистов-коммунистов и чтобы заручиться поддержкой мусульман Сукарно принял «Закон против кощунства» в 1965 году, цель которого заключалась в «Предотвращении кощунства и оскорбления религии». Впоследствии этот неожиданный закон послужил основанием для следующей фазы исламизации, так как он использовался для борьбы с теми, кто выступал против религии (особенно ислама).

В эру Сухарто (1966-1998) религия подверглась значительной бюрократизации. Закон против кощунства защищал позицию религии в публичной сфере. В соответствии с этим законом администрация Сухарто признавала несколько официальных государственных религий (ислам, протестантизм, католицизм, буддизм и индуизм), исключив конфуцианство и традиционные верования местного населения

Начиная с эры Сухарто, индонезийские граждане были обязаны указывать свою конфессиональную принадлежность в удостоверении личности. Министерство религиозных дел до сих пор является органом государственной власти. Помимо прочего, Закон о браке, вступивший в силу в 1974 году, усилил власть религии в государственном управлении: для получения свидетельства о рождении или о браке необходимо принадлежать к одной из официально признанных конфессий. Между тем, Постановление о религиозном суде (1989г.) закрепило власть религии в административной структуре при помощи судебной системы. Религия превратилась в юридическую идентичность. Министерство усилило влияние религии, предоставив ей бюрократическое основание. Религия пронизывает государственные структуры, на основании принадлежности к конфессии производится дифференциация между гражданами. Таким способом Сухарто взял религию под свое крыло.

После наступления Реформации (вслед за уходом Сухарто из власти в 1998 году) публичная сфера Индонезии стала сферой споров для многих групп (религиозных, этнических, локальных и территориальных сообществ). Они стремились к привлечению к себе внимания, к получению признания со стороны государства. В период Реформации после религиозного конфликта в Молуккасе в 1999 году возникло новое политизированное исламское движение. Развитие религиозного конфликта привело к росту толерантности по отношению к непризнанным неофициальным религиям и «другим мусульманам» (ахмадийцам и шиитам наряду с суннитским большинством), как и к их представительству на публичной арене. Вместе с признанием конфуцианства и местных традиционных верований, ранее непризнанные религиозные группы получили разрешение на регистрацию брака (с 2006 года). Теперь можно оставлять графу «религия» пустой (даже тем, кто не исповедует одну из официальных религий).

Однако религия зачастую побеждает в политическом соревновании. Это обстоятельство показывает, что религиозная принадлежность до сих пор остается более значительной, чем какая-либо иная социокультурная аффилиация. Вопрос о религиозной принадлежности в публичной сфере Индонезии не является простым. Но, несомненно, когда религия превращается в юридическую идентичность, можно смело заявлять, что она используется государством в качестве инструмента и эксплуатируется правителем для осуществления контроля над гражданами. С помощью индонезийских властных структур и судебной системы государство в Индонезии поглотило религию, повысив ее (и свое) влияние на повседневную жизнь индонезийцев. В такой организованной форме религия превращается в административный элемент. В такой ситуации под угрозой оказывается ее духовная составляющая. ■

Корреспонденцию направляйте Антониусу Кахьяди <antonius.cahyadi@ui.ac.id>

> Стимулирование вертикальной мобильности в Индонезии

Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Индонезийский университет, Депок, Индонезия, член ИК МСА по социологии образования (ИК04) и социальной стратификации (ИК28)

Социальная стратификация на оживленной улице Джакарты.

После азиатского финансового кризиса 1997 года Индонезия пережила невероятный экономический подъем, превратившись из страны с низким средним доходом в члена Большой двадцатки. К тому же Индонезия достигла политической, финансовой и экономической стабильности, став одной из крупнейших демократий мира (World Bank, 2014a). Несмотря на внушительный скачок в развитии, поднялся также и уровень неравенства: коэффициент Джини по Индонезии вырос с 0,33 в 1999 году до 0,41 в 2011 году. Усугубление неравенства может привести к более медленному снижению уровня бедности, замедлению экономического роста, повышению вероятности конфликтов

>>

и социального напряжения. Более того, неравенство и отражает, и создает несправедливые условия доступа к общественным услугам: 43% вероятности, что ребенок из нижнего дециля населения окажется физически неполноценным, в то время как эта вероятность составляет лишь 14% для верхнего дециля. Подобным же образом, вероятность того, что ребенок бросит школу, оказывается гораздо выше для детей из бедных семей: 71% детей из нижнего дециля уйдут из школы, не окончив образования, и только 26% из верхнего дециля поступят так же (World Bank, 2014b).

Много лет неравенство в Индонезии ярче всего проявлялось через неравные возможности вертикальной социальной мобильности. Кто из людей с наибольшим успехом улучшает свое социальное положение и какие факторы влияют на продвижение вверх по социальной лестнице? Мое исследование было посвящено неравенству в городских районах двух провинций – Западной и Восточной Явы. Я использовала лонгитюдные данные, собранные Индонезийскими исследованиями семейной жизни (Indonesian Family Life Survey, IFLS) в период с 1993 по 2007 гг. Выборка состоит из 1177 мужчин и женщин в возрасте 20-64 лет.

Возможности вертикальной социальной мобильности в городах Индонезии выше для индивидов, принадлежащих к высшим социальным классам, чем для представителей низших классов (Pattinasarany, 2012). Данные показывают около 27% случаев социальной мобильности из нижних в средние классы и 45% случаев мобильности из средних в высшие классы. Для людей из низших классов фактически ничтожна вероятность социальной мобильности. В Индонезии, как и в большинстве стран мира, чем ниже социальный класс, тем ниже вероятность вертикальной мобильности. Кроме классовой ригидности, существует позиционная ригидность, которая удерживает респондентов в том же классе, к которому принадлежат их родители.

Что касается гендера, мужчины склонны чаще продвигаться вверх по социальной лестнице, чем женщины, находящиеся в тех же ситуациях – особенно если они принадлежат к низшим социальным классам. От женщин требуется выполнение гендерных ролей как дома, так и в профессиональной жизни, и это, ограничивая их вертикальную мобильность, усложняет их карьерный рост. Образование определенно влияет на вертикальную социальную мобильность в Индонезии. Чем выше уровень образования, тем больше возможностей вертикальной социальной мобильности. Социальный класс родителей респондентов имеет наибольшее влияние на класс, к которому принадлежат они сами; вторая по силе влияния переменная – образование респондентов.

Проведенное мною качественное исследование сельских областей Явы поддерживает результаты количественных исследований, которые показывают, что индивидам из низших классов сложнее переместиться в средние или высшие классы. Однако существуют весьма интересные исключения, когда люди из низших классов поднимаются по социальной лестнице, достигая позиции

среднего класса, даже не имея образования. Приведу три примера:

- Многие индонезийцы принимают решение работать за границей как трудовые мигранты: в основном женщины устраиваются работать домработницами, а мужчины – рабочими на заводах или строителями. Решения стать трудовыми мигрантами обосновываются по большей части отсутствием рабочих мест для малообразованных индонезийцев. Более того, мигранты за границей могут заработать аналогичным трудом больше, чем в Индонезии, и посылать деньги родственникам в деревню. Благодаря такой финансовой поддержке родственники могут перейти на позиции более высокого социального класса.

- Другой путь – межпоколенческая передача специальных знаний. Сообщество в городе Гарут (Западная Ява) знаменито лучшими мужскими парикмахерами на острове Ява. В течение десятилетий это мастерство передавалось из поколения в поколение. Самые успешные профессиональные парикмахеры работают по временному контракту за пределами своих деревень, в таких крупных городах, как Джакарта. Благодаря специальным парикмахерским умениям, многие успешно подняли экономический и социальный уровень своей семьи.

- В-третьих, альтернативный путь продвижения по социальной лестнице предлагает предпринимательство. В очень многих деревнях существует небольшое количество предпринимателей, которые начинают карьеру как самозанятые, но позже создают маленькие фирмы; некоторым даже удается расширить свой бизнес до близлежащих деревень. Обычно такие люди работают в маленьких магазинах, ресторанах и розничной торговле. В зависимости от местоположения предприниматели могут начинать бизнес с банковского кредита или государственных программ, а также при помощи программ корпоративной социальной ответственности. Успешные предприниматели могут продвинуться в более высокие социальные классы.

В настоящий момент ведутся дальнейшие исследования, объясняющие ригидность индонезийской социальной классовой структуры, в особенности отсутствие возможностей вертикальной мобильности для тех, кто находится в нижней части шкалы доходов. Ожидается, что эти исследования откроют дискуссию о потенциальных программах государственного и частного секторов, способных смягчить неравенство возможностей социальной мобильности. ■

Всю корреспонденцию направлять Индере Р. И. Паттинасарани по адресу indera.pattinasarany@ui.ac.id

Литература

Pattinasarany, I. R. I. (2012) *Intergenerational Vertical Social Mobility: Studies on Urban Society in the Province of West Java and East Java*. PhD Dissertation, Department of Sociology, Graduate Program, Faculty of Social and Political Sciences, University of Indonesia, Depok.

World Bank (2014a) "Indonesia: Avoiding Trap." *Development Policy Review* 2014. Jakarta: The World Bank Office.

World Bank (2014b) "Understanding Inequality." Booklet from *Big Ideas Conference*. Jakarta: World Bank Group, September 23, 2014.